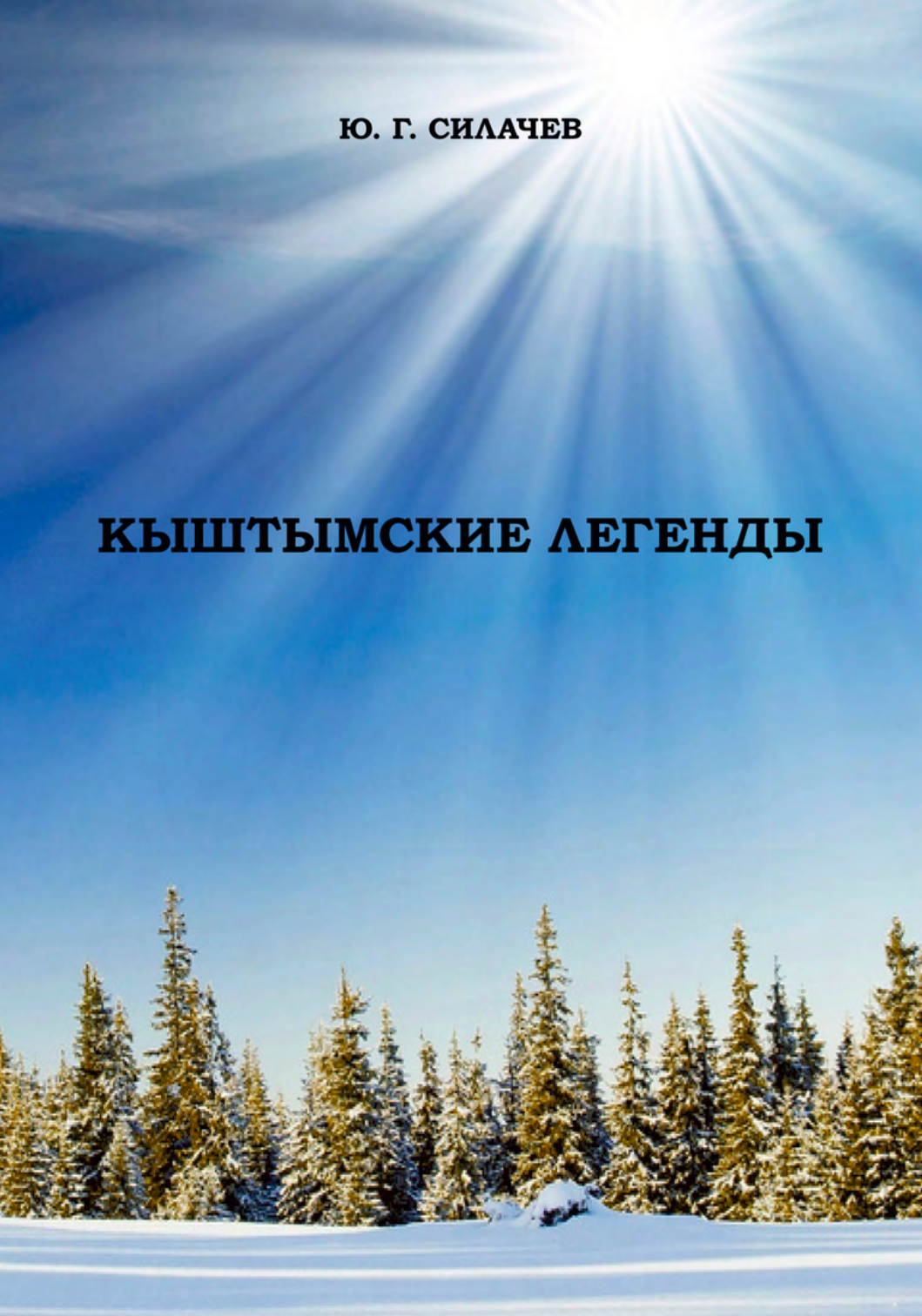

The background of the entire page is a photograph of a winter scene. At the top, a bright sun is positioned, with its rays fanning out across a clear blue sky. Below the sky, a dense line of evergreen trees, likely spruce or fir, is visible. The trees are heavily covered in snow, giving them a white, frosted appearance. The foreground consists of a smooth, white snow-covered ground. The overall lighting is bright and clear, suggesting a sunny day in winter.

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

КЫШТЫМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Силачѐв Ю.Г. Кыштымские легенды. – Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное Издательство (ИП Чумаков С. В.), 2022

UUID: d8289556-d669-466e-965f-1bee02a017a4

Знак информационной продукции 16+

Оформление: ООО «Лика»

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Книга выпущена в авторской редакции.

Электронное издание подготовлено на основе макета печатного издания.

Ю. Г. СИЛАЧЕВ

КЫШТЫМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Москва, 2019

Идя по жизни, мы вдруг обнаруживаем, что лёд под ногами становится всё тоньше, и видим, как вокруг нас и за нами проваливаются под него наши сверстники. Поэтому тороплюсь делиться воспоминаниями с теми, кто ещё жив.

Воспоминания — это волшебные одежды, которые от употребления не изнашиваются.

Благодатны дни юности. Старость любит возвращаться к ним сквозь туман времени. Старец вспоминает в сумерках о солнечных часах утра.

А пишу я так много о себе только потому, что это предмет, о котором я лучше осведомлён.

За помощь в создании этой книги
моей помощнице, второму «Я»,
Любови Ивановне, моя благодарность
и признательность.

СОДЕРЖАНИЕ

Кыштымские легенды.	4
Учения	29
Кофе	52
Дружок	69
Томас	92
Арест	105
Василий	116
Леший	122
Кормушка	129
Соколка	136
В Россию можно только верить	140

КЫШТЫМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

I

В этом очерке читатель узнает о двух легендах, которые произошли в одном месте, но по времени их разделяют многие сотни лет.

Наш знаменитый историк Ключевский В. О. писал: «Под старость глаза перемещаются на затылок; начинаешь смотреть назад и ничего не видеть впереди; то есть живёшь воспоминаниями, а не надеждами».

Так и я не вижу света в конце туннеля и в силу своего возраста мне уже не дожидаться конца олигархического засилья в России и не увидеть её светлого будущего. Поэтому надеюсь оставить в памяти потомков светлую легенду из фольклора башкирского народа и историю второй легенды — страшной рукотворной трагедии произошедшей в действительности, в результате которой погибло много людей, превращён в безжизненную пустыню большой участок нашей Родины, заражны радиоактивными отходами реки, озёра, десятки некогда цветущих населённых пунктов. Люди и сейчас живут там, страдают и умирают в раннем возрасте во втором, третьем, четвёртом поколении, и неизвестно сколько это будет продолжаться...

На Южном Урале, в Челябинской области среди городов, возникших ещё во время появления демидов-

ских железоделательных заводов, есть небольшой город Кыштым. В нём построено два железоделательных завода: — Кыштымский на северной стороне озера Иртяш и Каслинский на южной его стороне. Последний приобрёл всемирную известность, благодаря высокохудожественному чугунному литью.

Выпускник Петербургской академии художеств Канаев создал в Касли заводскую школу художественного литья и его ученики стали удивлять мир прекрасными скульптурами, вылитыми из чугуна. Прообразом героя сказа П. Бажова «Чугунная бабушка» был выпускник этой школы мастер Торокин, создавший немало художественных произведений. Даже его могила украшена чугунной скульптурой, где Торокин изобразил себя.

На Всемирной Парижской выставке 1900 года павильон Каслинского художественного литья получил золотую медаль и премию — «Гран-При». Тогда было много желающих купить вместе с изделиями этот павильон. Но в нём была ещё замечательная скульптура «Россия» (автор Н. А. Лаврецкий). На постаменте символизирующем Русскую Империю стояла вооруженная женщина дивной красоты. Она чем-то напоминала древнегреческую богиню охоты — Артемиду. Уполномоченные русские патриоты заявили, что «Россия» не продаётся и сделка не состоялась.

Далее продолжаю очерк по рассказу моего друга — Почётного энергетика, бывшего директора самой мощной на Урале Рефтинской ГРЭС — Иванова Юрия Васильевича. (Он, давно помещал эту легенду с небольшими изменениями в журнале «Уральский следопыт»)

Его в 1935 году 7-летним мальчишкой родители привезли в Кыштым, где он закончил 10 классов и в возрасте 17 лет уехал в Свердловск учиться в Уральский индустриальный институт. Город Кыштым, где провёл своё детство Юрий Васильевич, расположен на землях, принадлежащих когда-то башкирам, и в 30 км южнее располагался, так называемый, Башкирский кантон, заселённый башкирами, с административным центром в посёлке Аргаяш.

Такое соседство, даже после революции, до Отечественной войны ещё оказывало некоторое влияние на образ и жизненный уклад русского населения.

В нескольких километрах северо-западнее города расположены две стоящие рядом горы. Одна из них более низкая имеет округлую, не заросшую лесом вершину носит название Егоза, другая более высокая, остроконечная называется Сугомак.

Если подняться на одну из этих вершин, то бросается в глаза, что город окружен массой озёр и, кажется, что он находится на острове. С востока на северо-восток тянется большое озеро Иртяш, на северной и южной стороне которого расположены металлургические заводы. На запад от Иртяша находятся озёра Кызылташ, Малая Нанага и Большая Нанага. В этом районе расположен закрытый город Озёрск с энергохимическим комбинатом «Маяк» и здесь же находятся истоки реки Теча, с осени 1957 г. загрязнённой радиоактивными отходами. Далее на юг от этого района идут озёра Татыш, Улагач, южнее которых раскинулось живописное озеро Увильды, знаменитое своей кристально чистой водой,

радоновыми источниками и большим количеством различных санаториев и домов отдыха.

Южнее города расположены озёра Акакуль, Большая Акуля, Малая Акуля, Амбаш и Тёмное, примыкающих к заводскому пруду и замыкающему кольцо вокруг города. Кроме того в этом крае имеется масса других мелких озёр, многие из которых даже не имеют названия. Всё пространство между озёрами поросло лесом. Далее на юг от озёрно-лесного края начинается Башкирская лесостепь.

До войны этот изумительно красивый край был богат рыбой, дичью, особенно водоплавающей, ягодами и грибами.

«Здесь прошло моё детство, — вспоминает Ю. В. Иванов, — и время Великой Отечественной войны. Особенно запомнились ночёвки у костра на берегу озера.

Когда на озеро спускается ночная мгла и всё замирает, а свет костра делает тьму непроницаемой, всё вокруг ста-

новится таинственным и чарующим, создаётся какое-то неподвластное тебе настроение, тебя охватывает ощущение чего-то необычного, лёгкое чувство страха и желание испытать то чудесное, что слышал и читал в сказках и рассказах других людей. В это время каждый случайно возникший звук, каждый шорох воспринимается очень остро, и невольно, хотя и со страхом, но и с нетерпением ждёшь чего-то чудесного. Мы, мальчишки, немедленно начинаем рассказывать друг другу различные страшные истории про леших, домовых, русалках и т.д. Засыпая, мы всегда видели во сне резко прыгающий на глади воды поплавок — значит это окунь жадно атакует наживку, или, вдруг, поплавок вздрогнув, всплывает и ложится на воду, тогда сердце замирает, значит это взял наживку крупный лещ и ты стараешься скорее его подсечь; затем слышался убаюкивающий шорох набегающей на берег лёгкой волны.

Это настроение незабываемо, и всегда хочется пережить его снова и снова. Ночёвок у костра было много. В ту пору мы 9—12-летние мальчишки, собравшись в небольшие группы, не боялись совершать такие прогулки далеко в лес и на озёра без сопровождения взрослых и чувствовали себя вполне самостоятельными людьми. Во время летних каникул мы успевали побывать почти на всех перечисленных озёрах.

В таких мальчишеских группах я, как правило, был самым младшим. Меня охотно брали в походы, так как я всегда был со старшим братом, а также потому, что я знал много стихов, и мальчишки перед сном у костра всегда заставляли их рассказывать. Особенно нрави-

лись «Мцыри» и «Демон» Лермонтова и «Медный всадник» Пушкина. Мистическое настроение, охватывающее мальчишек у ночного костра, с особенным чувством воспринимать такие строки: — «Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землёй и лучших дней воспоминанья пред ним теснились толпой. Тех дней, когда в жилище света блистал он, чистый херувим, когда бегущая комета улыбкой радостной привета любила поменяться с ним, когда он верил и любил, счастливый первенец творенья...» или «Как будто грома грохотанье — тяжело-звонкое скаканье по потрясённой мостовой. И, озарён луною бледной, простёрши руку в вышине, за ним несётся Всадник Медный на звонко скачущем коне. И во всю ночь, безумец бедный, куда стопы не обращал, за ним повсюду Всадник Медный с тяжелым топотом скакал». Когда я читал эти строки, мне казалось, что медный всадник скачет за мной, и лёгкий мистический страх охватывал меня. Мои слушатели часто просили повторить эти строки.

Позднее, когда мне было уже 14—15 лет, я любил один уходить рыбачить на озеро Кызылташ. Там с небольшой лодки я на дорожку ловил крупных окуней. Мне это озеро всегда казалось особенным. Очертание его берегов было круглым, словно обведённым циркулем. Берега были пологими, песчаными и не зарастали камышом. Вода была абсолютно прозрачная, и хорошо было видно дно, поросшее небольшими зелёными водорослями.

Вода всегда, даже в жаркую погоду, была более холодной, чем в других озёрах. При выходе из воды она

скатывалась с тела, словно оно было покрыто каким-то водоотталкивающим средством. Сейчас это озеро входит в черту города Озёрска, и я не знаю, сохранилось ли оно.

В довоенное время ещё жило много бабушек и дедушек, которые умели и любили рассказывать сказки, были, небылицы и легенды. Темой таких рассказов были события из времени Пугачёвского восстания, предания о котором сохранились в памяти людей многие десятилетия, тяжелый труд заводских рабочих, жестокое обращение к ним управляющего заводом, тайны подземелья Белого дома (здание управляющего горным округом) и, конечно, сказки и легенды из русской и башкирской жизни. В то время мне, очевидно, пришлось столкнуться с чистым, неиспорченным устным русским языком. Не знаю, сохранился ли где-нибудь такой язык. Невольно вспоминаются сказы Павла Петровича Бажова, но я не уверен, что они воспроизводят такой же язык, какой я слышал в Кыштыме в 30-х годах. Да и не думаю, что устную речь можно передать в письменной форме. Одну из таких легенд мне хочется изложить здесь, хотя я не обладаю искусством письменного, тем более, устного рассказа. Эту легенду нам рассказал один русский старик, когда мы жили на улице Сосновского. Он часто вечером выходил из своего дома и отдыхал, сидя на лавочке, у палисадника перед домом. Мы, мальчишки, досыта набегавшись во время дневных игр, подходили к нему и просили рассказать нам какую-либо историю. Ему явно льстили наши просьбы, и он, медленно свёртывая сигарку из махорки, раскуривал её и, подождав,

когда мы рассядемся на полянке вокруг него, начинал свой рассказ. Он говорил медленно, чётко выговаривая слова, и не растягивал гласные, как это получалось у пожилых женщин, речь которых при рассказах часто была похожа на пение. Тем не менее, его слова звучали мягко и не были грубыми. Мы всегда слушали его внимательно с большим интересом и боялись прервать его речь своими вопросами.

Очень давно, когда в башкирских степях ещё не появились русские люди, башкиры не знали ни Аллаха, ни Христа и молились своим собственным, простым богам. В степи было достаточно корма скоту, где паслись большие табуны лошадей и отары овец. Земли хватало всем, и башкирские рода кочевали с места на место, обеспечивая своим животным, свежую траву на корм. Жизнь была богата и привольна. Пожилые башкиры мудро управляли жизнью родов, девушки были красивы и стройны, молодые башкиры были смелыми, сильными и ловкими людьми. Было много праздников, в которых молодые башкиры соревновались в искусстве владения луком и копьём, в ловкости и силовой борьбе, в скачках на лошадях. Молодые девушки соревновались в искусстве шитья и украшения одежды, в умении петь и танцевать. Все были дружны и благожелательны друг к другу.

Но однажды один молодой башкир приревновал свою красавицу жену к башкиру из соседнего рода и в пылу ревности убил его.

С этого момента мирная и счастливая жизнь закончилась. Люди различных родов стали мстить друг дру-

гу. Появились случаи убийства, стали возникать ссоры между родами из-за земли, на которой паслись табуны лошадей и отары овец. Из-за многочисленных случаев угона скота, потребовалось его охранять, и в это время систематически возникали драки, заканчивающиеся кровопролитием. Люди стали бояться друг друга и с тойской вспоминали счастливую, мирную жизнь в прошлом. Так прошло много лет.

Но в жизни часто встречаются неожиданные события. Так и в этом случае. Однажды молодой, ловкий и сильный батыр по имени Сугомак из одного рода встретил в степи стройную красавицу Егозу из враждебного соседнего рода. Молодые люди полюбили друг друга. Но главы обеих родов и все родственники и слушать не хотели о соединении двух влюблённых. Сугомак и Егоза любили друг друга и продолжали тайно встречаться, и это привело к дальнейшему усилению вражды между родами. Старосты обоих родов обвинили в этом Сугомака и Егозу, но их свидания продолжались. Тогда, чтобы сделать их встречи невозможными Сугомака приковали цепью к тяжелой колоде, а Егозу увезли в горы и спрятали там. Но сила любви была настолько велика, что Сугомак разорвал свои цепи, нашел в горах Егозу, и они стали жить вместе вдали от своих родов. Однако это ещё более разожгло вражду между родами.

Сугомак и Егоза глубоко переживали то, что их любовь принесла столько бедствий их родным, но они не в силах были разорвать свои отношения. Тогда они взмолились своим богам и сказали им, что они готовы

пожертвовать собой, но за это боги должны принести башкирам мир и счастье, а их соединить навечно.

Боги услышали их, и случилось чудо. Среди башкир снова воцарился мир, и наступила спокойная, счастливая жизнь. Но боги превратили Сугомака и Егозу в две, стоящие рядом горы. С тех пор Сугомак и Егоза вечно стоят рядом неразлучными и оплакивают свою неудавшуюся любовь, и их слёзы наполнили глубокое озеро, которое благодарные люди называли именем Сугомака.

Много поколений из уст в уста передавали эту историю, и молодые башкирки постоянно привозили своих новорожденных детей к озеру Сугомак и купали их в этой воде, веря, что слёзы любви сделают их детей такими же сильными и смелыми, как Сугомак и такими же стройными и красивыми, как Егоза.

Предание гласит, что среди башкир появился такой поэт и батыр, как Салават Юлаев, именно потому, что после рождения его мать искупала его в озере Сугомак.

Эта история завораживала нас, и нам хотелось стать такими же, как Сугомак и Салават Юлаев.

Вечная тема шекспировских Ромео и Джульетты. Я не думаю, что малограмотный кыштымский старик что-либо слышал о Шекспире и его персонажах, и мало вероятно, что он сам выдумал эту историю, потому что имя двум горам и озеру дали на сотни лет раньше, чем наш рассказчик появился на свет и. намного раньше, чем родился Шекспир. Эта тема имеет право на существование во всех странах и частях мира, потому что любовь всегда существует там, где живут люди и она вечна».

Так закончилась эта светлая легенда и многие из нас готовы пожертвовать своей жизнью во имя извечной мечты человечества — жить в дружбе, любви, счастье и благоденствии.

II

В начале второй печальной легенды Кыштыма хочется привести слова не менее знаменитого историка Карамзина Н. Н. — «Ты хочешь быть автором: — читай историю несчастий рода человеческого — и если сердце твоё не обольётся кровью, то оставь перо, или оно изобразит нам холодную личность души твоей».

Уже более 60 лет прошло со дня страшной катастрофы в Кыштыме и моё сердце до сих пор холодеет и сжимается от ужаса произошедшей там трагедии. Для описания того, что я тогда узнал, увидел и услышал: — страдания людей и, особенно матерей, на глазах которых гибли дети, у меня не хватает сил и мужества. Мне остаётся только обозначить предпосылки её возникновения и масштабы нанесённого урона.

Вторая легенда — это страшная катастрофа, о которой запрещено было говорить. Она была засекречена. К ней привело безответственное и халатное отношение руководителей атомной отрасли к вопросам радиационной безопасности. Скрытость порождает среди населения недоверие и страх перед неизвестным. Под грифом «Секретно», как правило, прячется что-то плохое, что стыдно показать людям. Только после Чернобыльской (через 30 лет!) аварии многие в Челябинской области поняли, что теперь можно сказать и об аварии на «Маяке».

29 сентября 1957 года стал чёрным днём в истории Урала и всей России. Это день, когда жизнь людей на Урале поделилась на две половины — до аварии и после, как потом нормальную жизнь Украины, Белоруссии и Европейской части России поделит другая чёрная дата — 26 апреля 1986 года.

С момента Кыштымской трагедии прошло 60 лет. Никто и никогда не узнает, сколько тогда погибло людей. «Маяк» продолжает работать и принимать отходы отработавшего ядерного топлива с Белоярской, Кольской и Нововоронежской АЭС, а также перерабатывает топливо с атомных субмарин и ледоколов. Ежесекундно тонны этих отработанных отходов по-прежнему сливаются в озеро Карачай, (ранее сброс был в реку Теча, которая впадает в Тобол...и далее следы радиоактивного заражения встречались в Северном ледовитом океане.)

Люди, живущие и работающие там по-прежнему накапливают в своём теле плутоний, цезий и стронций. В одной из деревень, оставшихся на этой «загрязнённой» земле дети написали такие стихи:

«Посылает «Маяк» не спасенья лучи:

Стронций, цезий, плутоний — его палачи!»

Через 3 года после этой аварии, в начале 1961 года мне пришлось побывать там. Как ударника и победителя соцсоревнования меня включили в комиссию по проверке выполнения договора соцсоревнования. Тогда Верхне-Тагильская (где я работал) и Кыштымская ГРЭС соревновались между собой. Поскольку

я тогда мало разбирался в пунктах условия договора, меня через день освободили от этой «работы» и я пять дней бродил по Кыштыму и его окрестностям. Там я и узнал об этой трагедии и разрывающих душу историях страдания населения. Кстати, наш предзавкома — председатель комиссии прервал мой рассказ, говоря, что его предупредил представитель КГБ, чтобы он пресекал все разговоры о «якобы» имевшей место аварии в Кыштыме.

Сила радиоактивного излучения была такова, что во всей округе погибли хвойные деревья (сосны, ели, пихты). Я долго не мог понять, почему выжили лиственные деревья. А ответ оказался простой: — эти деревья сбросили листву вместе с радиоактивными отходами, а хвойные, не сбрасывая иголок, через год все засохли.

Побывал я и на кладбищах, и в Каслинском музее художественного литья и, даже, купил чугунную скульптуру — преуморительного чёрта, правда, после настояния бабушки, не желающей видеть в доме «нечистого», пришлось подарить его одному из друзей, более всех восхищавшемся его художественным исполнением.

Кыштымская трагедия связана с историей создания атомной бомбы. В Советском Союзе до 1941 года первый проект атомной бомбы создал Ф. Ф. Ланге. Основные работы проводились в Харьковском и Ленинградском физико-технических институтах. Проект курировал В. М. Молотов. В 1941 году проект был засекречен и объёмы исследований, в связи с войной были сокращены.

Атомная бомба была создана в США в рамках «Манхэттенского проекта» 17.09.1943 г под руководством

американского физика Роберта Оппенгеймера и административного руководителя генерала Лесли Гровса.

28 сентября 1942г, через полтора месяца после старта «Манхэттенского проекта» постановлением ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану» обязало Академию наук (акад. Иоффе) возобновить работу по использованию атомной энергии и к 1 апреля 1943г сделать доклад о возможности создания атомной бомбы. Общее руководство было возложено на В. М. Молотова, который назначил главой атомного проекта И. В. Курчатова.

24июня 1945г в Потсдаме президент США Трумэн сообщил Сталину, что у США «теперь есть оружие необыкновенной разрушительной силы».

По воспоминаниям Черчилля, Сталин улыбнулся, но не стал интересоваться подробностями, из чего Черчилль сделал вывод, что тот ничего не понял и не в курсе событий.

Разведчик генерал-лейтенант МВД П. А. Судоплатов, вспоминая, говорил, что благодаря нашей агентуре уже через 12 дней после окончания сборки первой атомной бомбы в США описание её устройства уже было получено в Москве.

Через 14 дней после бомбардировки Хиросимы постановлением ГКО был создан Специальный комитет с чрезвычайными полномочиями во главе с наркомом Л. П. Берия. К созданию атомного комплекса было привлечено 293 тысячи заключённых ГУЛАГа, имеющих строительный опыт, а также «узких» специалистов, имеющих знания в определённой области.

Возле г. Кыштым по проекту И. В. Курчатова начали строить энергохимический комбинат для производства оружейного плутония. Под руководством Курчатова конструкторы Доллежалъ и Меркель создали первый реактор «Аннушку» для производства плутония.

Многие учёные аварию, произошедшую в секретном городе «Челябинск-40» — теперь г. Озёрск считают ядерным взрывом. К осени 1957 г. пришли в негодность приборы контроля и произошел «сбой» в системе охлаждения одной из так называемых «банок» объёмом 300 кубометров. В результате разогрева до 350 градусов скопившаяся критическая масса урана-235 весом около 1000 граммов, привела к неуправляемой ядерной реакции: — взрыву мощностью в 200 мегаэлектронвольт, что эквивалентно взрыву 20000 т. тротила.

В воздух было выброшено около 20 млн кюри радиоактивных отходов. Эти вещества поднялись на высоту до двух километров грибовидным облаком, мерцая оранжево-красным цветом. К ночи это мерцание становилось розовым и светло-голубым.

90% радиации осело на территории комбината, а ветер со скоростью 10 м/сек уже через 4 часа унёс радиоактивное облако на 100 км, которое после рассеялось на расстояние до 350 км северо-восточнее комбината, захватив территорию 23тысячи кв. километров, едва не дойдя до г. Тюмень.

В зоне заражения оказалось 217 населённых пунктов с населением 272 тысячи человек.

Комиссия, расследовавшая аварию, тогда установила мощность взрыва около 100 т пороха, в то время

ещё не использовалось понятие «тротиловый эквивалент».

Относительно небольшая мощность взрыва даёт основание предположить о возможном наличии в отходах изотопов плутония-240, имеющих склонность к спонтанному делению задолго до достижения критической массы. Осколки деления стронция и ксенона, обладая большим зарядом, вызывают ионизацию и возбуждение молекул вещества, передавая им свою энергию, что приводит к нагреванию среды, в которой протекает процесс деления, ускоряя его с повышением температуры.

Банка из нержавеющей стали, залитая в специальный бетонный каньон, взорвалась, далеко отбросив крышку перекрытия каньона весом 560 тонн, над этой крышкой ещё была земляная насыпь толщиной 2 метра, покрытая для маскировки травяным дёрном.

В Челябинской области и в самом Озёрске значительно выросла смертность после аварии, люди умирали прямо на работе, рождаются дети с генетическими отклонениями, вымирают целые семьи.

В зоне радиации дезактивацию проводили воинские части, сотни тысяч людей, мобилизованных из Челябинска и Свердловска, всё местное население, включая школьников начальных школ от 7 до 13 лет, которых заставляли закапывать выращенный урожай овощей. Никто из них не был предупреждён о радиоактивной опасности. И, конечно, из этой же картошки дети пекли на кострах печёнки. Властвующий режим, очевидно, был заинтересован держать в неведении свой народ. Никто не узнает за давностью лет всей правды о Кыштымской

трагедии. Зачем-то надо было скрывать правду об аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, хотя, нам понятно, что сделано это было в оправдание дикой и безграмотной Чубайсовской реформы энергетики.

Очевидно, также заинтересованы «похоронить» информацию о Чернобыле. У меня есть подаренная бывшим главой Минатома Адамовым Евгением Олеговичем (профессор, технических наук, заслуженный деятель науки и техники РФ) объёмная книга «Не благодаря, а вопреки», где он пишет, что: — «Чернобыльская авария и последовавшее вскоре, Спитакское землетрясение в Армении, возможно, были последними катастрофическими событиями, с которыми мог справиться советский режим. Опираясь на не до конца исчерпанный народный патриотизм, уже не шел ни в какое сравнение с прежними временами.

Авария на «Маяке» по интегральным выбросам была близкой к Чернобыльской. Её последствия ликвидировались в условиях глубокой секретности. Число привлечённых в зону устранения последствий в десятки раз меньше. Несравнимо меньше не только реально пострадавших, но и, прежде всего, заболевших в результате разнузданной, безграмотной и безбрежной информации.

Вот и ратуй потом за свободу слова, совмещённого с безответственностью, а тем более, с тенденциозностью, ангажированностью, то и просто, свободно купленного».

Даже Адамов Е. О. не стал прямо описывать причины произошедшей аварии. Но понимающий, (обязательно энергетик, хорошо знающий, именно реактор

РБМК-1000 и в достаточном объёме ядерную физику) обязательно, примерно через 100 страниц этой книги, найдёт эти «знаки» и, связав их между собою, скажет причину аварии.

Мы жили вдвоём с Евгением Олеговичем около трёх месяцев на 8-м этаже в 3-комнатной благоустроенной квартире в городе Сосновый Бор Ленинградской области. Там я, находясь в должности старшего инженера управления реактора и турбины (блок с реактором РБМК-1000 и двумя турбинами К-500 мвт), готовил и аттестовал персонал для Курской АЭС, а Адамов Е. О., будучи тогда в должности директора института Атомной энергии занимался своими вопросами в двух Сосновоборских институтах: — НИТИ и ГОИ. (Я предполагал, что там занимались переработкой и утилизацией отходов ядерного топлива.) Разговоров о том, чем он там занимался мы, естественно, не вели, да и я не спрашивал, зная, что он «насквозь» засекреченный Среднемашевец. Зато он был интересный, эрудированный собеседник и живо, как и я интересовался историей. Мы сдружились, общество обоих абсолютно устраивало и наши собеседования иногда продолжались до рассвета, особенно когда между нами стояла бутылочка коньяка.

Большой вклад в создании реактора РБМК внёс Институт Атомной энергии, руководимый тогда Адамовым. Он мне говорил, что РБМК очень «строгий» реактор и, даже, иногда непредсказуем. Там, например, обнаружили «явление», которое не могли объяснить физики-ядерщики. Во время физического пуска реактора, при его заполнении водой (естественно, полностью

обессоленной), вдруг возрастает реактивность и приходится опускать ДПСУЗ. (Дополнительные стержни Управления и Защиты реактора). Этого не должно происходить, поскольку вода является замедлителем, и если имеется незначительная реактивность, то при заполнении трубной системы она уменьшается или исчезает.

Кроме того, если блок работает на полной нагрузке, то разгружать его можно (Согласно регламенту) только на 20% или на 200 мвт, и после его нужно гасить.

По плану с началом ввода новых АЭС в Европейской части Союза за 10—12 лет мы должны были довести их установленную мощность до 30 млн киловатт, за счёт блоков с реакторами РБМК. Однако, Министр энергетики П. С. Непорожний усомнился в работе этих реакторов ввиду неглубокого регулирования мощности. (После прохождения пиковых нагрузок они должны разгружаться на 70%). Но новый Председатель Совета Министров СССР Тихонов Н. А., сменивший на этом посту умершего Косыгина А. Н., потребовал отставки П. С. Непорожного.

За годы работы Минэнерго под руководством Петра Степановича Непорожного была создана вторая по мощности и первая в мире по надёжности Единая Энергетическая Система. У нас не было системных аварий, как, например, в США в 1974—75 гг., одна из которых полностью и надолго обесточила Нью-Йорк и весь запад страны. Поэтому США и весь остальной мир на опасных производствах, в клиниках и почти у всех частных домовладельцев устанавливает резервные дизельгенераторы.

И отставки такого министра потребовал премьер, имеющий лишь образование техника-путейца и металлурга, который разбирался в энергетике, тем более в атомной — как свинья в апельсинах. В 1985 году Тихонов был снят, так как не совладал с ЖКХ.

Он рассчитал всё наперёд.
Теперь сам черт не разберёт,
Что делать с социальной сферой,
Где пахнет крупной аферой
Так, что на всю страну разит...

Но застрахован паразит
Его же хитроумной схемой
И тем, что сам он — часть Системы.
Смирись, обманутый народ!
Своих, Система не сдаёт.

Но блоки на Чернобыле уже поставили с реакторами РБМК-1000. Вот вам первая причина этой трагедии. Затем атомные блоки из Министерства Среднего машиностроения передали в Минэнерго, и тогдашний министр энергетики Майорец разрешил провести на Чернобыльской АЭС испытания по глубокой разгрузке РБМК. Вот и вторая причина. А посадили за решётку шесть непричастных руководителей, в том числе директора ЧАЭС В. Брюханова и гл. инженера Н. Фомина. Среднемаш никогда бы не пошел на это испытание. Конечно, им и Институту Атомной энергии можно было поставить в вину: — почему ни на одном реакторе РБМК не про-

верено установившееся соотношение изотопов. Но в регламенте они настрого запретили разгрузку более, чем на 20%.

Будучи 11 лет Президентом АН СССР А. П. Александров говорил, что никогда бы не отдал ядерных объектов из Среднемаша, но в нашей стране вы можете быть министром, но принимать решения будете не вы. А Адамов Е. О. добавлял, что нас давно приучили для понимания происходящего — переворачивать заявления политиков наоборот.

Я всегда задумывался — неужели у Тихонова Н. А. нигде не кольнуло, что именно он явился первопричиной Чернобыльской катастрофы? Прав Л. Фейхтвангер говоря, что «Властолюбие — надёжнейшая из страстей. Даже лишенный собственных мыслей и собственной индивидуальности человек в ту самую минуту, когда его наделяют властью, приобретает сущность и содержание. Функция властвования меняет нутро носителя власти. Власть, кредит, слава создают индивидуальность и лицо тому, кого природа лишила этих свойств». И мало кто понимает, что не мы идём по жизни, а нас ведут по ней такие козлы.

Во второй раз с Адамовым Е. О. мы встретились на Чернобыльской АЭС, куда его, как и меня (знавшего реактор, и как начальника службы аварийности Мосэнерго), включили в комиссию по расследованию аварии. После ещё была встреча на какой-то презентации, он оставался всё таким же простым и доступным. Осталась обида, что его крупного учёного сменил на этом посту Кириенко, случайный для атомной

отрасли человек. Адамов Е. О., как настоящий патриот встал на пути передачи обогащённого урана и ядерных технологий США и те по ложному обвинению заключили его в Швейцарскую тюрьму. И хотя он был на 100% оправдан, на пост Минатома его не вернули. Это были времена, когда Козырев ежедневно бегал в посольство США с вопросом: — «Чего изволите?». Видимо из тогдашних властителей кто-то тоже был заинтересован, чтобы «загнобить» Адамова.

Я мог бы указать все причины аварии на ЧАЭС, но я дал подписку о неразглашении, хотя я твёрдо уверен, что я свободен от всяких обязательств перед безнравственным режимом. Если хочешь определить причину зла — определи сначала у кого в руках власть. У русских память слабое место, особенно память на злое, на обман. А уж веру нашу никому не отнять, сколько бы нас не обманывало наше правительство, вера в него будет неизбывна. Уроны от технологических катастроф бывают более значительны, чем авария на Чернобыльской АЭС, но последняя нанесла психологическую травму всему человечеству, прежде всего из-за отсутствия достоверной информации и недостаточного уровня образования. Так в телевизионной программе на канале НТВ дали трибуну «лжеучёным» делающими «сенсационные» открытия по её причинам, что нельзя назвать другими словами как «бред сивой кобылы».

Мы хорошо знаем, что за всю историю ядерной техники в СССР погибло менее 1000 человек, но это самая низкая смертность, чем в других областях техногенной деятельности.

Тысячи человек заболели в результате радиационного воздействия. Однако миллионы людей болеют в результате выбросов энергетических, химических, металлургических и других вредных производств.

У меня было твёрдое убеждение, что прекращение охлаждения паровой части реактора произошло по причине повреждения водоопускных труб вследствие гидроударов при опрокидывании циркуляции при сильном тепловыделении. И я ни с кем не советуясь, в обычном рабочем костюме реакторщика, одев на лицо маску Петрянова, которая по легенде задерживает половину радионуклидов полез в нижний бокс ПВК (паро-водяных коммуникаций). Недалеко от выхода из бокса я обнаружил разрыв водоопускного коллектора и бросился назад. Многое стало ясным.

Академик Легасов В. А. разругал меня, но по его лицу я понял, что он остался доволен. Радиометристы, замерив меня «обрадовали», что я «схватил 300 рентген», изолировали меня от прочей компании и утром самолётом отправили в Москву. По поводу льгот я обращаться не стал, считая это постыдным, т. к. по собственной дурачности всего за один день успел облучиться. Ну а Москва в этой суматохе обо мне забыла. Стране было не до меня, и я на даче длинными пробежками, баней, водкой, пивом и мёдом с божьей помощью избавлялся от радионуклидов. Теперь только окулисты когда смотрят мои глаза изумляются: «У вас было такое сильное облучение!» (На роговицах остались глубокие шрамы).

Обычно политика — заложница экономики. В бывшей братской Литве наоборот — экономика заложница

политики. В угоду Западу они остановили Игналинскую АЭС с реакторами РБМК-1500, самыми совершенными, которые отвечают всем требованиям безопасности МАГАТЭ. Теперь электроэнергию покупают на Западе на 40% дороже в ущерб своей экономике. Судьба энергоблоков с реакторами РБМК-1000 на Украине тоже не проста. В силу национального упрямства (Назло маме уши отморожу!) за двойную цену покупают топливо для них в США, но беда в том, что топливо не подходит для РБМК. Чистый уран, из которого состоит топливо США при плохой герметизации оболочек ТВЭЛ (тепловыделяющие элементы с ураном) образуют с влагой гидратные закиси, сильно увеличиваясь в объёме, и сменить кассету с таким ТВЭЛ не представляется возможным. С русским топливом таких проблем нет.

Хотя я назвал эту повесть «легендами», историческая правда, особенно второй главы несомненна.

История должна быть нашим помощником в жизни.

Держась за НАСТОЯЩЕЕ, мы живём БУДУЩИМ, обязательно исходя из ПРОШЛОГО.

Никогда не думай, дорогой читатель, что история — это только история. Прошрое нашей земли и нашего народа удивительно сопряжено с нашим сегодняшним днём.

Не верь тому, кто скажет тебе: — Это нам не нужно... Это история!

УЧЕНИЯ

Боже-ж, мой, как давно это было! Это было так давно, что, наверное, выросло не одно поколение. Союз ещё был могучий и нерушимый, Украина была зависима, русский язык главный разговорный. А в Крым так вообще ездили отдыхать все кому не лень и до времени, когда там вместо вывески «Парикмахерская» повесили «Перукарня» многие из моих современников так и не дожили.

Экскурс в «Крымскую историю» делаю неслучайно, поскольку «Украинский Крым» лично для меня всегда был большим вопросом, и я не скрывал слёз радости, когда Дума 18 марта 2014 года утвердила вхождение Крыма в состав России.

Какую волну грязи, вымыслов и санкций подняла Америка и её сателлиты, признав Россию агрессором. Свободное народное волеизъявление Крыма о присоединении к России признали незаконным, несмотря на международные нормы, а всё потому, что это не укладывалось в русло политики США. Лопнула идея, и вложенные в неё сотни миллиардов долларов, создания в Крыму военно-морской базы США и НАТО. Поскольку нам оправдываться бесполезно, а изменить ничего нельзя, попытаемся обратить это в шутку:

«О, господин Барак Обама, умерьте президентский взор,
Не нужен штат ваш Алабама, теперь наш Крым — как наш
дозор.

Зайдём на пик горы Ай-Петри, чтобы пропеллер там висел,
Чтоб Белый дом у вас проветрил и злой, чтоб умысел осел.

Осядет он, и вам надолго полегче станет в голове,
У нас есть Крым и наша Волга не стройте козни нам извне.
Вам будет славно в Белом доме, кругом уютно и светло,
Ваш круг общенья не в обкоме, вам портят ястребы чело.

О, президент Барак Обама, я предлагаю дело вам —
Две рюмки водки вместо срама за Крым, — пришедший
снова к нам!»

Как много было там пролито русской крови ещё
до присоединения Крыма к Российской империи
в 1783 году. Была пролита кровь за Крым и нашего рода,
когда моему прадеду казаку-пластуну (пешему) оторва-
ло английской бомбой руку во время крымской войны
в 1855 году.

Одной из версий передачи Крыма Украине 19 фев-
раля 1954 года была «кредитная история» связывающая
СССР договором от 20 февраля 1929 года с американской
еврейской организацией «Джойнт». Мысль о создании
второй (после Палестины) родины для евреев активно
проводили евреи — члены ЦИК — Троцкий, Каменев,
Зиновьев и Бухарин и «Джойнт» выплатил до 1936 года
20 млн долларов. Под эту сумму ЦИК оставил в залог
335 тысяч гектаров крымской земли. На неё были оформ-

лены акции и более 200 американцев, в том числе политиков (Гувер, Рузвельт) и финансистов (Рокфеллер, Маршал). Сталин тогда пытался опередить своих еврейских соратников по ЦИКу, предложив создать Землю Обетованную на границе с Амурской областью — Еврейскую автономную область со столицей Биробиджан, куда после отмены НЭПа в 1928 году ринулись строить «земной рай» тысячи еврейских семей. Однако, в виду тяжелых климатических условий начался обратный отток и теперь в Еврейской А. О. проживает менее 1% евреев, но Гувер с Рокфеллером, при желании могут туда ехать на ПМЖ.

Во время Тегеранской конференции Рузвельт напомнил Сталину об этих обстоятельствах. Сталин дал указание для освобождения евреям крымской земли депортировать из Крыма 193865 крымских татар (по справке НКВД, уточнения отсутствуют), 15 тысяч греков и 12 тысяч болгар. Но Сталин не спешил с этим вопросом, решение которого, как он считал, произошло в 1947 году, когда было объявлено о создании государства Израиль, которое сразу подверглось нападению своих соседей — арабов. Этот конфликт называли войной за независимость 1948 года.

Тогда, по указанию Сталина, евреям было передано большое количество немецкого трофейного, а также советского оружия, в счёт погашения кредита «Джойнта». Тогда же он сказал: — «Все равно на этой земле никогда не было и не будет мира».

Евреи с теплотой вспоминают об этом даре, благодаря которому через полтора года были намечены линии прекращения огня.

Таким образом, была приобретена для евреев земля — часть Палестины и вопрос о «Крымской Калифорнии» был закрыт.

1954 год был крайним сроком расплаты по «еврейским долгам» и Хрущев, якобы, сделав «ход конём», отдал Крым Украине — пусть расплачивается она, а не Россия. «Кредитную историю» это никак не решало, но волюнтаризм Хрущева сразу в этом проявился. Что поделаешь? Свинопас. Ходили ещё слухи, что этим даром он откупается от «расстрельных» списков, которые он подписывал во времена репрессий на Украине в свою бытность там 1-м секретарём ЦК.

Зато Украина сразу украинизировала Крым, убрав из книжных магазинов всю русскую литературу, и ввела в школах украинский язык в качестве основного. Помнится, приехав туда отдыхать, мне пришлось дочери читать «казочки» на украинской мове. А крымчане так и не научились украинскому языку.

Но вернёмся к «нашим баранам», т.е. к повести — «Учения».

Когда последний год отбывал в должности Министра обороны наш знаменитый «Маршал Победы» Георгий Константинович Жуков, я в тот же год начал свою службу в Советской Армии, заканчивая 9-и месячную школу на стрелка-радиста дальнего, как его называли американцы, «чудо-бомбардировщика» ТУ-16 в посёлке Голёнки Уссурийского края Дальневосточного военного округа (ДВО).

Хрущев, продолжая свою чёрную деятельность, снял с поста Министра обороны Жукова Г. К. и мы сразу по-

чувствовали ослабление требований и падение дисциплины. Тогда же он решил призывать в Армию всех ранее судимых и «мотавших» на зоне срок. До этого в Конституции было написано, что служба в Советской Армии является почётным долгом каждого гражданина и имевшие судимость в Армию не призывались.

Армия при Жукове действительно делала из пацанов мужчин, как бы ставила «Знак качества», на отслуживших и редкая девушка шла замуж за парня, не служившего в Армии.

Хрущев своим Указом превратил её в зону, появились паханы, дедовщина и издевательства над молодыми. Хорошо, что иногда появлялись молодые с характером, которые получив оружие, отстреливали этих паханов. Слава, Богу, я успел отслужить до разложения Армии.

Тогда ДВО находился в повышенной степени готовности, поскольку ожидали провокаций со стороны американцев, ставшие на защиту острова Формозы (теперь Тайвань) от посягательств Китая, который побережье напротив острова назвал Фуцзянским фронтом, установив на каждый его километр по 100 дальнобойных орудий. Нас настраивали на выполнение интернационального долга: защищать от США Китай. Впрочем, и Китай также был готов к взаимности. В беседе с американским журналистом Мао Цзе Дун на его вопрос: — «Что Вы предпримете, если будет нападение на СССР?» Ответил: — «Я попрошу у Советского правительства 100 миллионов пар сапог».

Международные обозреватели отдела пропаганды из Крайкома партии рассказывали нам, что Армия Чан

Кайши, с которой он с боями ушел от Мао на Формозу, теперь находится на стороне империалистов. Это единственная Армия в мире, которая не омолаживалась, с тех пор и её средний возраст был на уровне 70 лет, а начальником штаба была тоже единственная женщина-генерал — жена Чан Кайши — Сун Мэйлин.

Мы тогда смеялись какой — же там пердёж поднимался в казарме, когда давали команду — «Подъём!»

Готовность учебной роты тогда поддерживалась ночными тревогами через 2—3 дня, и мы с автоматами ППШ и противогазами бежали 5км до сопки, где стояли локаторы и, обогнув их, возвращались в казармы. Я уже тогда втянулся в бег настолько, что потом на гражданке начал бегать марафоны и, даже, выполнил норматив кандидата в мастера спорта по марафону. Мне нравились эти нагрузки, я был хорошо подготовлен, занимаюсь до Армии боевым самбо в спортобществе Динамо. Чтобы туда попасть приходилось ходить на дежурства в БСМ (Бригада содействия милиции). Здоровье тогда было ого-го! Когда писал, то щёбёнка на дороге разлеталась, а теперь вот уже и снег не тает.

Многим такая нагрузка сначала была не по плечу. Я, например, всегда нёс автомат Сашки Важенина, который чуть не терял сознание от этих 10км пробежек. Интересно, что в горном техникуме (до Армии) я учился со старшим братом Сашки — Ильёй, он был намного нас старше и успел около года повоевать с немцами.

Однажды нам по тревоге выдали ещё и боезапас — снаряженные патронами диски к автоматам и ещё запасные три рожка, а вместо бега погрузили в крытые

автомашины. Через полчаса езды мы увидели впереди огромное зарево и начали волноваться: — «Всё, ребята, началось! Всё-таки Формоза на нас напала».

Но подъехав к полыхавшим скотникам какого-то совхоза, мы получили команду: «Приступить к тушению!» Весело закинув за спины автоматы, мы стали цепочкой от озера до скотника и передавали туда ведра с водой, которые выплёскивались в огонь, но пожар был такой силы, что эта вода испарялась на лету. Через час, оставив догорающие головёшки, мы благополучно вернулись в свою казарму, с удовольствием выполнив команду: «Отбой!».

Конфликт с Формозой, благодаря усилиям политиков благополучно рассосался, и служить стало легче. Появилось время и для шуток. Мы постоянно «поднаживали» эстонца Яана Пярту, который ежедневно писал жене письма, чтобы она остригла со своего лобка волосы и прислать ему понюхать. Эстонец, спокойный, уравновешенный парень сказал: — «Напишу и пришлёт». Скоро в письме пришел пучок мелких кудрявых волос. Ребята, схватив их, с хохотом бегали и давали всем желающим нюхать и, даже, предложили понюхать вошедшему в тот момент старшине Воронцову.

— Товарищ, старшина! — Это то, или не то?

Тот, поняв, в чём дело, серьёзно понюхав их, сказал:

— То-то оно то, да низковато взято — говнецом припахивает!

Старшина был изумительный могучий мужик, старшина по призванию, из тех, кто любит солдата и заботится о нём. Он прошел всю войну, закончив её с пол-

ной грудью орденов. Утром, построив роту, свой доклад командиру роты майору Вдовину он заканчивал громовым голосом с нарастающим крещендо: — «Докладывает — Старшина учебной роты! Старшина сверхсрочной службы!! Гвардии старшина Воронцов!!! У всех, аж мороз по коже пробежал, и мы в этот момент особенно любили его и гордились им.

Его всегда тянуло из дома в казарму к солдатам, часто приходил и в личное время, брал из каптёрки свою, всегда настроенную семиструнку и виртуозно играл на ней, всё что угодно. Часто под неё мы пели хором, или дуэтом с Ваней Семидоцким, как лучшие исполнители или, даже, сольно. Я иногда играл на ней по нотам единственную песню, которой научила меня мама — «Соколовский хор у Яра», остальное я пел под аккомпанемент неизменных трёх аккордов. Как-то, в очередной раз, старшина спросил: — «Ну что вам сыграть?» И я попросил: — «А давайте, пофантазируйте на тему — «Солдат в самоволке». И как он её сыграл! Все были в восторге и после всегда просили её исполнить. Я слышал эту фантазию десятки раз, но он никогда не повторялся, находя каждый раз новые вариации. Но всё всегда было понятно. Сначала лирическое настроение солдата, нацеленное на любовное свидание, затем паническое бегство от патруля и прочие приключения, которые иногда заканчивались на гауптвахте (губе) темой — «позабыт позаброшен».

Я был редактором ротной стенгазеты и занимался этим с удовольствием и в школе и техникуме, писал туда

передовицы и четверть газеты занимал своими виршами, которые, как ни странно, нравились ребятам, и они переписывали их и отсылали в письмах домой. В основном это были стихи патриотические, но иногда помещал какой-нибудь лирический бред, типа:

Морозной ночью на посту
Стою у склада с автоматом,
И слышу: Где-то вдалеке
Поют с девушками ребята.

Немного грустно стало мне
И вспомнил я твой образ милый,
Что в сердце он вошел ко мне
Навечно нежный и любимый.

И помню я как в тишине,
С тобой у речки мы ходили,
Как на поляне при луне
С тобою ночи проводили.

Где ты теперь? Скажи, родная,
Всё также помнишь обо мне,
И ждёшь, тогда как обещала,
Иль позабыла обо мне?

Основной успех стенгазете, конечно, делал её художник-оформитель Алексеев Лёша. Он вырос и воспитывался в детдоме и если б не это, то был бы наверняка основной гордостью Строгановского или другого худо-

жественного училища. Какой же у него был верный глаз и точная рука! У всех нас он моментально схватывал характерные черты, и какие бы шаржи и карикатуры он не делал, с первой секунды все узнавали героя. В первый месяц до присяги нас не отпускали в фотографию и он, к радости родителей, сделал всем портреты на листочках простой бумаги. Заголовки газеты также всегда были неповторимо украшены.

Как-то раз Ваня Семидоцкий уговорил меня написать строевую песню. Слушай, Юра, тебе не противно петь такую бредятину, какую мы поём? Ну тошно делается! Давай, ты пиши стихи, а я переложу на музыку — он закончил музыкальное училище по классу композиции.

Действительно, во время вечерних прогулок мы орали такую чушь, что население пряталось по подворотням. Я её уже забыл, но что-то такое, вроде:

Дальневосточная, даёшь — прибой!

Дальневосточная, даёшь — отбой!

И так далее, в том же духе.

Я за сутки «слепил» что-то, Ваня одобрил, — нормально, — то что надо, и, сделал партитуру. Затем вся рота переписала и разучила припев, прорепетировав несколько раз, секретно в хозкомнате. И вот настал день, когда старшина вывел нас на прогулку и скомандовал: — «Запевалы — Вильников, Семидоцкий и Силачёв — вперёд! Запевай! И мы грянули:

Шёл солдат своей дорогой,
Сердце девичье приметил,
Положил в заплечный ранец
И понёс сквозь дым и ветер.

А рота подхватила припев:

Для тебя, моя родная,
Эта песенка простая.
Я влюблён, и ты, быть может,
Потеряла сердце тоже.

И теперь от боя к бою
Я ношу, я ношу её с собою.
Для тебя, моя родная, раз, два,
Эта песенка простая.
Для тебя, моя родная, раз, два,
Эта песенка простая.

Припев.

Чьё-то сердце загрустило,
Знать оно любить хотело.
Налилось оно тоскою,
Вслед за войском полетело.

Припев

Наш солдат всегда смеялся,
Смело шел он в пламя боя,
Потому что нёс он в ранце
Сердце девичье простое.

Припев

Старшину это изумило, он, даже, выбежал вперёд, чтобы заглянуть нам в глаза. Народ всего гарнизона тоже высыпал на улицу, а ребята, старались, как могли и пели, как курские соловьи. Видя такое настроение, старшина снова дал нам пройти по тому же маршруту с песней, а потом у казармы, поблагодарил нас.

— Ну, ребята, ну утешили, меня даже слеза прошибла, теперь у нас есть настоящая песня.

Забегая вперёд, скажу, что лет через пятнадцать в Среднеуральске я снова услышал нашу песню, но были слегка изменены мотив и слова. А что делать? Магнитофонов в то время не было, и я был горд, что кто-то из сослуживцев привёз её из Приморья на Урал. Спустя ещё несколько лет её запели в одной компании в Москве, и я стал их поправлять, но на меня посмотрели как на идиота, а я спросил — чья это песня? Ответ был — народная — и я обомлел, до какого статуса её подняли!

Мне вспомнился рассказ одного талантливейшего врача –иглорефлексотерапевта, как ему удалось дать юридический статус и авторство своей песне. Тогда он учился во 2-м Мединституте и, участвуя в самодеятельности, написал Гимн института. Всем понравилось, ректорат написал письмо Министру культуры РФ Стриганову и тот вместе с Юрием пошел к Мин. культуры СССР Фурцевой, благо перейти для этого нужно было только площадь. Фурцева просмотрела текст и даже прослушала в исполнении Юрия под гитару этот гимн и дала указание Эдди Рознеру записать его на плёнку в студии звукозаписи. Э.Рознеру не понравилось исполнение штатным артистом и песню с оркестром записали

в исполнении Юрия К. Я с удовольствием услышал его голос в интернете.

В ДОСА (Дом Советской Армии) начал работать гарнизонный кружок самодеятельности, куда мы с Ваней попали по рекомендации старшины Воронцова. У Вани был несильный, но очень приятный баритон и он выступал сольно с песней — «Тот, кто рождён был у моря», ещё две песни я с ним пел дуэтом, естественно мы пели в хоре, где Ваня ещё иногда был запевалой.

Но, главное, там принимала участие дочка нашего командира дивизии Наташа Рябова, десятиклассница, в которую я сразу влюбился. Ваня, заметив это, постоянно меня поощрял на активные действия, вместо воздыхания, говоря, что я ей тоже нравлюсь. И я в свободные минуты читал ей стихи Есенина, Маяковского, а иногда и свои. Самодеятельность вела одинокая вольнонаёмная выпускница какого-то института Культпросвета — Таня, миниатюрная и красивая женщина. Они с Ваней, что называется, «спелись» с первого взгляда и Ваня немедленно проторил к ней дорожку, исчезая по ночам, благо жила она недалеко от казармы.

После торжества в ДОСА, посвящённом очередной годовщине Октябрьской революции мы выступили с концертом. Наташа очаровательно спела последний тогдашний хит — песню «Ландыши», старательно копируя первых её исполнительниц — Нину Дорду и Гелену Великанову. Мы с Наташей договорились, что я иду её провожать и чтоб она не волновалась, что я могу попасть на губу, т.к. за это удовольствие можно снести любое наказание, но для этого меня ещё нужно поймать

и вряд ли какому патрулю это под силу. За это хвастовство я был награждён томным взглядом её прекрасных чёрных, обрамлённых густыми ресницами глаз.

После концерта мы с ней, пользуясь чёрным ходом за сценой, выскользнули из ДОСА и пошли по дороге в сторону основного гарнизонного посёлка, где она жила, и я мучился мыслью, как мне «сорвать» её первый поцелуй. А в это время, скользя по черноте ночи фарами, на дорогу вывернула «Волга» комдива. До нас было метров 400, спрятаться негде, вокруг ровная степь. Я решил схватить её в охапку и броситься с нею в глубокий придорожный кювет, но она в это время, повернувшись ко мне, сказала: — «Это папа» — решимость моя улетучилась, и я один бросился в кювет.

Машина, поравнявшись с нами, остановилась и отец, открыв дверку, спросил: — «Наташа, ты чего одна пошла?»

— В клубе было душно, решила подышать свежим воздухом.

Она села в машину и навсегда увезла с собою мои лучшие мечты. Моя нерешительность, за которую я корил себя всю жизнь, тогда согласовывалась с положением Аристотеля о том, что очевидная невозможность всегда предпочтительней сомнительной возможности. Я — простой рядовой, и — она — дочь комдива! Нонсенс. Но любовь-то не выбирает!

Ещё более трагично закончился роман Вани Семидоцкого. В одном подъезде с Таней жил старшина-сверхсрочник — Ващенко — гнуснейший тип, который сразу стал её преследовать, предлагая свою любовь. Таня сразу его «отшила», чтобы он оставил все свои надежды,

но он стал за ней следить и, однажды, поймал у дверей Тани Семидоцкого.

Будь прокляты эти, так называемая марксистская идеология, и вольно её трактующие наши наставники, угнетающие разум, душу и тело, запрещающая любовь, ломающая судьбы. Таню немедленно уволили, отобрали жильё и в 24 часа отправили в неизвестном направлении.

А Ваня, отстрадав 10 суток на губе эту разлуку, тоже смирился.

Молодёжь особенно остро чувствует несправедливость. Согласно Э. Канту: — «Когда справедливость исчезает, то не остаётся ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Но молодёжь есть молодёжь, она в короткий срок может гасить удары судьбы.

Самодеятельности тоже пришел конец.

Мне приказали сделать спецвыпуск стенгазеты и заклеить нарушителя. Алексеев тогда превзошел себя. На целом листе ватмана изобразил звёздное небо с тонким серпом новолуния, еле видные контуры домов и Ваню Семидоцкого, который мечтательно закатив на этот месяц глаза, шел к возлюбленной. Словами это не описать, это надо было видеть, там была изображена не только мартовская похоть кота, но и глубокие чувства и даже предстоящая трагедия. Я сопровождал этот шарж коротким стихом:

Ночь тиха, ярко звёзды мерцают,
Но не спит Семидоцкий Иван,
В самоволку в полночь убегая,
Он заводит любовный роман.

Рота каталась от смеха, но при этом все завидовали Ване и жалели его. А я слегка переживал, что Ваня со злости скажет своим адъютантам намылить мне шею. Ваня был безусловным нелегальным лидером в роте. Он призывался из райцентра Байкалово Свердловской области и вместе с ним оттуда к нам попали ещё три амбала, которые боготворили его и дома.

Ваня, вернувшись с губы, тоже минут 10 поржал у газеты и побежал искать меня.

— Слушай, Юра, умоляю, отдай мне эту газету, я всю жизнь тебе буду обязан!

— Ну, пускай повисит неделю и забирай.

— Нет, кто-нибудь её сопрёт, давай сейчас!

— Бог с тобой, забирай, но и ты сразу же собери заметки на новую... А Ващенко мы жестоко отомстили. Когда его поставили замещать ушедшего в отпуск Воронцова, мы не слушали и не выполняли его команды. Однажды в наказание после завтрака он решил нас погонять (чего мы ждали) и дал команду: — «Рота бегом, марш!» мы радостно взвизгнули, и, мгновенно скрылись из глаз. Его команды: — «Рота, стой!» мы, естественно, не слышали и убежали в сопки, где он, на своих кривых ногах искал нас до обеда. Занятия были сорваны, и он получил от комроты нагоняй. И, наконец, мы сорвали его свадьбу, бросив накануне её три килограммовых пачки сырых дрожжей в туалет, «типа сортир», у дома невесты.

Поднявшиеся бурые волны дерьма затопили около гектара площади, а окружающее население сбежало. Все понимали, откуда эта кара и Ващенко долго грозили смертной казнью.

Всё-таки есть на свете справедливость!

Время, которое раньше уходило на самодеятельность теперь у меня забрал помкомвзвода сибиряк Саша Сенотрусов. Он до Армии также занимался самбо и теперь был доволен, что нашел напарника. Самбо (боевое) в то время культивировалось только в спортобществе Динамо, спустя годы из него убрали болевые приёмы, удары, дожимы и т. п. и включили во все соревнования, и походить это стало на вольную борьбу. Сенотрусов обладал громадной силой и весил более 90 кг, а я всего — 74кг, т. е. по тогдашним меркам — второй полусредний вес. Меня выручало только то, что я был намного его быстрее, и обладая большей гибкостью ужом выскакивал из его стальных объятий. Но за два часа тренировки он изматывал меня так, что я еле держался на ногах.

Перед окончанием «учебки» начались окружные военные учения. Меня и Дмитриева Володю, уже уверенно работавших ключом по нормативу 2-го класса послали на учения вместе с радиостанцией РАФ-КВ-5 на шасси ГАЗ-63 как резервную, а при необходимости для замены рабочей, если так решат посредники. Техника была ещё та! Она была выпущена в 1939 году на шасси ЗИС-5 и четыре таких РАФ (Радиостанция армейская фронтовая) в войну придавались для связи штабу фронта.

По пакту «Молотова — Риббентропа» страны Прибалтики, часть Польши, Финляндия, Бессарабия и Северная Буковина были присоединены к СССР. Наш политрук майор Плоткин, тогда младший лейтенант, начальник радиостанции, вместе с войсками вступил в Бессарабию. Меня поражало то — с какой древностью

мы имеем дело, но позднее я, например, узнал, что была и успешно воевала в 1-ю и 2-ю мировые войны подводная лодка, выпущенная ещё в 1913 году, и была списана только в 1955(!) году.

РАФ-КВ-5 была ламповая, и пентод был размером с 3-х литровую банку. Эти лампы так раскалялись, что через полчаса работы передатчика в кунге дышать уже было нечем.

У нас практиковался «День технического обслуживания» (1 раз в декаду) и мы всей ротой до блеска натирали этот РАФ, а Плоткин, как всегда, доставал нас своим занудством. Однажды, (это было зимой), он пришёл в меховом лётном комбинезоне и к концу занятий, решив оправиться, зашел за гараж, где с большим трудом спустил комбинезон. Ребята, проследив за ним, в дыру из-за забора подставили ему под зад совковую лопату, куда он и облегчился. Потом, он встал и, оглянувшись, хотел увидеть своё «творение» и не увидев, сильно удивился и стал искать предполагаемый «клад» в комбинезоне. Так ничего не обнаружив, он вернулся к нам. Все ребята активно и обеспокоенно начали крутить носами и говорить: — «Имейте совесть, кто обосрался, меняйте кальсоны».

Плоткин моментально исчез. А мы веселились, предполагая, что теперь свой «клад» он будет искать с помощью всей семьи.

Учить схемы этого реликта (РАФ) тогда было в «духе времени». Радиостанцию на ТУ-16, как засекреченную, мы не изучали и вспоминали рассказы ветеранов войны, как наши сапёры подрывались на своих же «засе-

креченных» минах, а истребители и зенитки сбивали свои новые, тоже засекреченные самолёты.

Командующий ДВО, или скорей всего, посредники из Министерства обороны, объявили разрушенным командный пункт округа и штаб был перенесён на ЗКП (Запасной командный пункт), который находился возле аэродрома «Воздвиженка» в холмистой местности, густо заросшей орешником. Переезжая туда у нас сломался двигатель и мы остались «безлошадными». Вызванный тягач утащил РАФ в свою часть, а нас передали в помощь полковнику военно-химических войск.

Мы с ним первые обследовали ЗКП, удивляясь тому, как виртуозно он владеет матерным лексиконом. Мне тогда казалось, что весь офицерский состав мат употребляет через слово. Моя бабушка в далёком уральском селе, оправдывая соседа, который кроме мата других слов не употреблял, говорила: — «Ну что же делать, он всю жизнь на конях робил». Так и у меня складывалось ощущение, что весь наш доблестный офицерский состав всю свою жизнь робил на конях.

Оказалось, что ЗКП был неизвестно кем, разграблен, хотя круглосуточно охранялся. Генератор был разобран, вентиляционная система разрушена, также как и системы очистки воздуха — отсутствовали все аэрозольные, иодные и фильтры Петрянова и сорбции на активированном угле. Отсутствовали все средства защиты от радиационного заражения, а также запасы пищи и воды. Была разрушена и система канализации. Однако на нас с Володиёй ЗКП произвёл ошеломляющее воздействие своими размерами. Это был огромный подземный

бункер с железобетонными перекрытиями толщиной не менее 5 метров, сверху которого был навален грунт толщиной 3 метра с посадками орешника. На входе были установлены последовательно через тамбур две стальных двери толщиной 400 мм с внушительными винтовыми запорами. О состоянии ЗКП с таким же замысловатым матом полковник доложил кому-то наверх.

Аварийная команда успела только установить дизель-генератор, слава Богу, наверху, дать питание радиопередатчикам и провести свет, как сразу бункер заполнился руководством полётов и расчётами, направленных на обеспечение полноты, своевременности и безопасности выполнения экипажами полётных заданий — радистами, планшетистами и десятками других нужных для этого специалистов. К ним прибавились ещё более сотни штабных бездельников, а также наблюдателей и посредников. Дмитриев даже позволил себе пошутить: — «Слушай, тут столько генералов, что некого и на х.. послать».

С этими хлопотами нас не успели прикрепить к какой-либо кухне и мы с Володиёй сутки промышляли мелким воровством. Населённые пункты были далеко и мародёрство исключалось. Полковник, строго секретно, предупредил нас, что в следующую ночь будет объявлена атомная тревога. Указал нам, где и какие мы должны расставить знаки радиационной опасности, выдал нам дозиметры и экипировал нас защитными балахонами, противогазами и бахилами и велел их не снимать до отбоя сигнала: «радиационная опасность». Мы должны были по сигналу задрать двери и никого не выпускать.

С удовольствием выполняя его указания, мы предвкушали цирк. Действительность превзошла наши ожидания.

После атомного удара «противника» мы загерметизировали ЗКП, закрутив вдвоём на полную силу штурвалы запоров и дали команду: — «Прекратить курение!» На нас, как на дурачков, никто не обратил внимания и учения, полёты и курение продолжались с ещё большей интенсивностью. Через час жара и духота достала и нас, и я пошел в аппаратную и сказал своему полковнику, чтобы он прислонился к мощной холодной стене, так легче переносить жару, от которой мы в своих балахонах страдали больше всех. Потом я попросил планшетистов не курить. — Да мы давно уже не курим, это офицерье!

Поднимаясь назад к выходу, я увидел, что Дмитриева атакуют офицеры, пытаюсь открыть дверь, и поспешил к нему на помощь. На мат и просьбы выпустить отлить мы не реагировали. Наконец, ещё через полчаса в бой вступил генералитет. Один из них бесцеремонно оттолкнул меня, но я вернул утерянную позицию.

— Да я тебя, сопля, в порошок сотру, пригрозил тучный багроволицый генерал-майор и взял меня руками за грудь, но я привычно, отработанным на тренировках по самбо приёмом, сбил его захват и наступив на его ногу, толкнул его от себя. Позиция моя была более выгодна, на самом верху крутой бетонной лестницы и генерал полетел вниз, попутно прихватив с собой ещё несколько офицеров. Более изошрённого мата, который он издал, за всю свою жизнь мне больше не приходилось слышать, но тут подал голос наш полковник.

– «Отставить! Солдат выполняет мою команду: — Не выпускать в зараженную зону!»

Тогда с руганью на него набросились все столпившиеся на лестнице офицеры: — «Какое на х.. заражение! Открывай свою собачью будку, а то мы на куски тебя порвём!»

Наш полковник был невозмутим и только когда в аппаратной кто-то потерял сознание, он дал отбой тревоги и громогласно объявил:

– «Все на ЗКП получили летальную дозу радиационного заражения!»

Волною доблестного русого офицерства мы с Володи были сметены и размазаны по стенкам тамбура.

Наблюдатели и посредники подтвердили приговор полковника, но учения ещё какое-то время продолжались, поскольку надо было безаварийно посадить всю воздушную армаду на аэродромы, согласно утверждённой плановой таблицы.

– Да, братцы, сказал полковник, теперь ДВО в глубокой жопе, много полетит папах и погон.

После полковник долго хохотал, слушая наши рассказы о схватке с генералом, достал фляжку и угостил нас коньяком, поблагодарив за доблестную службу, говоря, что переживал за нас, что мы в его амуниции можем откинуть концы, а мы ещё были способны заставить откормленных генералов делать сальто. В свою часть он отправил нас на своей машине.

Меня и Дмитриева из учебки выпустили сержантами со значками специалистов 2-го класса.

Дальнейшая служба шла легко и весело; сначала летал, и, даже, был признан лучшим стрелком-радистом ДВО, дважды на стрельбах срезал конус-мишень от самолёта-буксировщика. Кстати, в 2012 встретился с членом нашего экипажа вторым пилотом в Московском Комитете ветеранов ВОВ, на Смоленской, где мы с женой работали волонтерами, а Ларцев С. С. был заместителем председателя МКВОВ в чине генерал-лейтенанта. К сожалению, в 2016 г он ушёл в лучший мир.

Конец службы я отбывал в должности начальника учебного полигона, уйдя из экипажа т.к. был избран комсоргом части. Ежемесячно на «технические нужды» раздавал около центнера этилового спирта, удивляя всех его чистотой, поскольку за все годы службы ещё никто не видел неразбавленный спирт.

Успешно принимал участие в первенстве округа по вольной борьбе, учился в дивизионной школе марксизма-ленинизма и получил рекомендации для вступления в партию.

Вот какое счастливое было время, и я верил, что строю коммунизм.

Счастливы нищие духом.

КОФЕ

Для меня это лучший из всех напитков. Наполняет уверенностью и оптимизмом. Оно доставляет наслаждение и даёт одну из тех «маленьких радостей», которых не так уж много в нашей жизни. Путь к познанию этого божественного напитка был бесконечно долгим, а начало этого пути было связано с одним курьёзным случаем.

В начале 60-х годов работал я начальником смены на Заинской ГРЭС и пускали мы очередной энергоблок мощностью 200 тыс. кВт.

Делалось это, как всегда в спешке. Сроки строительства и ввода мощностей всегда ограничены, а руководители стройки, электростанции и монтажных организаций были кроме того заинтересованы в досрочном вводе в эксплуатацию ещё и потому, что за это они получали премию до трёх окладов.

Рядовой эксплуатационный персонал только благодарность в приказе и премию 10—15 руб. За 40 лет работы в энергетике записями благодарностей заполнено 20 страниц вкладышей в моей трудовой книжке.

На каждом таком «досрочно» введённом в эксплуатацию блоке монтажники и строители работали ещё больше года. Котлы и турбины были в строительных лесах, а кругом горы теплоизоляционных материалов.

Ежедневно приходилось по нарядам-допускам на работающем оборудовании, разрешать работу двум десяткам бригад и потом вести за ним надзор, чтобы не было нарушений правил пожарной безопасности и технологического режима действующего энергооборудования.

В этот раз также не укладывались в сроки и руководители всех рангов сидели на блочном щите управления и уже смирились с тем, что досрочный пуск не состоится. На турбине держали 1300 об/мин. И форсировать было нельзя из-за большой разницы температуры металла, между верхом и низом турбины, чему способствовала сырая теплоизоляция турбины. Подвод пара к схеме подогрева фланцев и шпилек турбины был монтажом незакончен. Я тогда считался одним из толковых и опытных специалистов и начальник треста «Волгоэнергомонтаж» А. Шейкин тенью ходил за мною и всё повторял: — неужели, ничего нельзя сделать?

Ну почему же нельзя, при желании всё можно, ответил я, и показал ему, где можно сделать временную врезку между двумя вентилями дренажа паропровода, чтобы дать пар на фланцы и шпильки. Он обрадовался, быстро организовал эту работу и обещал мне десяти литровую канистру спирта, если я в свою смену синхронизирую и включу генератор в сеть. Ну, смотри, сказал я, уговор дороже денег. Надо сказать, что во времена «развитого социализма» (таким эпитетом нашу систему тогда награждал Н. С. Хрущёв), алкоголь был самой твёрдой валютой.

При наличии его решались самые сложные проблемы. Мне как-то признавался, шутя, один из «высоких» снабженцев, что если б он катил впереди себя цистерну

со спиртом, то он мог бы в условиях тогдашнего жесточайшего дефицита достать абсолютно всё, даже «подержанную» атомную бомбу.

Врезку быстро сделали, дали пар на фланцы и шпильки и температура верх — низа стала быстро сокращаться.

Набрали 3000 об./мин и, наконец, включили турбогенератор в сеть. Все закричали «Ура!», бросились целовать меня и поздравлять друг друга.

А. Ф. Шейкин торжественно презентовал мне десятилитровую канистру со спиртом, и я объявил своей смене, что после смены будем эту канистру уничтожать. Правда, половину пришлось отдать руководству котлотурбинного цеха т. к они насчёт выпивки тоже были не дураки...

Итак, после смены желающих отметить пуск блока набралось около двадцати человек, и мы дружно пошли на мой сад-огород, который размещался на берегу пруда-охладителя в пятистах метрах от ГРЭС. Там у меня был сколочен из досок сарайчик 2 на 3 метра, а под ним был погреб, в котором находились десятиведерные бочки с соленьями: огурцами, помидорами, капустой и грибами.

Тогда мы, как в Китае, одновременно занимались промышленностью и сельским хозяйством, т.к. полки магазинов были пусты, и кушать было нечего. Мудрые руководители ещё каждую весну в поле выделяли нам землю для посадки картошки.

По инициативе то же Никиты Сергеевича в стране проводили безумно интересные эксперименты для того

чтобы народ купался в роскоши и изобилии, поскольку уже наше поколение должно было жить при коммунизме.

Стали уничтожать личные подворья, заставляя коров сдавать в колхоз, и там, в колхозных столовых обещали давать детям молоко. Коров то сдали, а вот с молоком для детей что-то не сложилось...

Поднималась целина, кругом сеяли кукурузу вместо привычных кормовых культур. С интересом выяснили, что в нашем климате американский маис не растёт, стало быть, скотину кормить стало нечем и пришлось её резать. Зато сколько было мяса! Мясо вволю ели целый год, потом мяса в стране не стало, кроме Москвы, где даже электрички, расплзаясь во все стороны, пахли колбасой.

Больше всех отличился секретарь Рязанского обкома КПСС. Он сразу сдал два годовых плана по мясу и получил звание Героя Социалистического Труда, но застрелился, т.к. животноводству в области пришёл конец. Это всё было сказано, «кстати», о закуске.

Где-то к двум часам ночи канистра опустела, все мы почувствовали усталость, а два товарища вообще перестали проявлять к обществу какой-либо интерес и уснули. И тут Саня Кручинин вдруг сказал: «Пойдёмте ко мне пить к-к-офе (он немного заикался) и это практически мало знакомое нам слово, произнесённое загадочно, так поразило нас, что все мы наполовину протрезвели. Но сначала нужно сказать об авторе этой идеи. Саня Кручинин работал машинистом энергоблока и был незаурядной личностью. Он был завзятый библиофил, и такого собрания книг не было ни у кого.

Симпатичный, худощавый шатен среднего роста с курчавой шевелюрой, ходил, слегка прихрамывая от того, что на одной ноге у него не было полступни. Смолоду, обладая большой любознательностью, он как-то засунул ногу в работающую бетономешалку, желая очистить края от раствора, но увлёкся и потерял полстопы. Это, однако, его не смутило и даже дало ему некоторые преимущества. Например, обувь он выбирал себе не по размеру, а по фасону и цвету, т.е. брал ту, на которую «положил глаз». Обувь обычно была у него больше на несколько размеров и носки её всегда загибались верх, как у клоуна, но он на это не обращал внимания. С таким дефектом он даже «умудрился» поступить в Высшее военное командное училище. Медкомиссию он проходил, не снимая носков, а форма отсутствующей стопы сохранялась, очевидно, от того, что носки не стирались.

В училище он проучился целый год, и только тогда обнаружился этот недостаток. Кроме книг у Сани было хобби — рационализаторские предложения. Он подавал их невероятное количество, хотя не все они имели экономический эффект, а иные заканчивались конфузом. Свидетелем одного из них был я. Работали мы тогда на Верхне-Тагильской ГРЭС машинистами котлов, сжигающих низкокачественный бурый уголь. Тогда Саня предложил сократить обдувщиков за счёт ведения более качественного топочного режима. Зам. начальника цеха рацпредложение принял, сказав, посмотрим, что получится на практике. Обдувщики, естественно котлы Сани на следующий день не обслуживали. Новая сме-

на котёл из-за зашлаковки фестона не приняла и Саня после работы в течение шести часов длинной, тяжёлой пикой сбивал этот шлак. На завтра он забрал рацпредложение и на глазах обдувщиков с извинениями порвал его.

Жену себе Саня подбирал так же, не руководствуясь общепринятыми нормами. Олимпиада Михайловна отличалась могучей статью и была на голову выше его. Впрочем, по характеру они вполне подходили друг другу. Саша хорошо рисовал и оформлял заголовки нашей стенгазеты. Я, будучи редактором её, зашёл как-то раз к нему домой за стенгазетой.

В это время Саня и Олимпиада Михайловна, играя в карты, — сказали мне «подожди» — и, не предложив мне сесть, отчаянно продолжали «резаться» в подкидного дурака. Закончив играть, Саня отдал мне рулон ватмана и огорчённо сказал, что он проиграл и теперь ему придётся чистить картошку. Вот такой романтической натурой был Саня, предложивший нам кофе.

Итак, мы дружно поднялись и пошли пить кофе. Мы не думали о том, что идём к нему глубокой ночью, где мирным сном спит жена и двое детей, о том, где рассядутся двадцать человек в его небольшой квартирке, и найдётся ли у них столько посуды? Как журавли на юг, как лососи на нерест мы бездумно шли к возвышенному, нас вела мечта о красивой, неизведанной жизни.

Одни, думая о кофе, представляли себя где-то в элитном клубе, сидящими в удобном кресле, где перед ним на столике дымилась чашка с ароматным напитком, а в зубах была гаванская сигара.

Другие в мечтах представляли себя сидящими в шезлонгах на открытой веранде с видом на море, и шум этого моря доносился снизу, где волны переворачивали прибрежные камни, а лицо овевал ласковый морской бриз.

Не знаю, каким кофе думал напоить нас Саня, едва ли натуральным. В то время натуральный кофе я видел только в Москве, в специализированном магазине на Кировской. Интерьер магазина был выполнен в восточном стиле из красного дерева с позолотой. Находиться там было необычайно интересно и приятно как в музее. А какой чарующий аромат свежемолотого кофе стоял там!

В быту электрокофемолок ещё не было, а в магазине была стационарная кофемолка, где по просьбе покупателей этот кофе мололи.

А на периферии был только желудёвый, чаще ячменный кофе с цикорием и без. Продавался он в пакетах из серой обёрточной бумаги по 250 гр. и название его, кажется, было «Золотой ярлык».

Так, в мечтах о кофе и красивой жизни, мы подошли к дому Сани и поднялись на четвёртый этаж, растянувшись гуськом на три пролёта по узкой лестнице.

Звонок в ночном безмолвии внутри квартиры прозвучал неожиданно так громко, что все вздрогнули. Через некоторое время дверь распахнулась настежь, и в проёме выросла фигура Олимпиады Михайловны в свободной, белой ночной рубашке до пят. В этот момент она была похожа на монумент-памятник «Женщины Родины» на Мамаевом кургане.

Она мельком взглянула на нас и остановила свой взор на темени Сани, который проблеял: — «Олимпиада М-м-михайловна, мы пришли пить к-к-офе».

Она взяла могучей рукой Саню за одежду сзади спины, на уровне лопаток и, слегка приподняв, бросила его себе за спину в коридор, и, не взглянув более на нас, закрыла дверь.

Мы дружно развернулись и молча, опустив головы, стараясь не смотреть, друг на друга, стали спускаться вниз. Потом так же, молча, разошлись по домам. Позднее никто не пытался шутить по этому поводу. Нелегко расставаться с иллюзиями...

Через день я принёс на работу двое трусов, оставленных в моём сарайчике. Оказывается, мы ещё купались в пруду. Но никто не имел мужества признаться, что это были его трусы. А уличить кого-то было невозможно. Советский ГОСТ предусматривал пошив только чёрных и синих трусов одного фасона.

Лишь четверть века спустя, после описываемого здесь события я стал кофеманом, предпочитая кофе, сваренный по кубинскому рецепту и в кубинской кафетере (кофеварке). Причём тут кубинский рецепт и кубинская кафетера, спросите вы? Да притом, что только на Кубе я пил самый лучший в мире кофе. В 1986—88 гг. я работал на Кубе советником по вопросам энергетики в Министерстве базовой промышленности. И тогда сбылась моя сладкая ароматная мечта.

С тех пор восприятие этого напитка сопровождается видениями Кубы — темпераментной, как ритмы ча-ча-ча, яркой, как оперение колибри, элегантной, как цветок

орхидеи и белоснежными улыбками никогда не унывающих кубинцев. Над выведением лучшего в мире кофе десятки лет работали кубинские и американские учёные-агроботаники.

И первыми помощниками здесь были природно-климатические особенности Кубы.

Самый ароматный кофе получается тогда, когда кофейная плантация в течение всего года обдувается морским бризом.

Куба для этого идеальное место. Остров вытянут в длину почти на 1000 км, а в ширину имеет всего 60.

Наверное, самыми большими ценителями кофе являются бразильцы. Они скупают для себя на Кубе все 100 процентов кофе идущего на экспорт.

А свой кофе Бразилия так же экспортирует и в Бразилии его пьют только бедняки. Во времена Карибского кризиса в 60-е годы прошлого века, когда американцы взяли Кубу в блокаду, в Бразилии были сильные волнения и едва не произошёл переворот из-за того, что с Кубы перестал поступать кофе. Американцы, испугавшись, что могут получить вторую Кубу на американском континенте, разрешили Кубе экспортировать кофе. Тогда для Кубы это был единственный источник поступления валюты. Кубинцы так же любят кофе и потребляют его не менее, чем бразильцы. Чай там продаётся только в аптеках как лекарственное средство и потребляют его чрезвычайно редко.

Кофе пьют из керамических конусных чашек, объёмом всего 30 гр. Заказывая кофе, кубинцы обычно говорят: «уна сенсийа», т.е. одна простая чашечка. Редко

кто заказывает «дабле кафе», т. е. в стакан выливают две чашки по 30гр. Из всех сотрудников министерства один я заказывал «дабле кафе» четыре или пять раз в день. Кубинцы этому удивлялись и говорили: — Ке фуэрте коразон! (какое могучее сердце.) Кофе пьют очень сладкое и крепкое. Чашечку в 30 гр. кубинец смакует не менее 10 минут. Оно соответствует арабской пословице: — «Кофе должен быть чёрным, как ночь, горячим, как женщина, сладким, как шербет и крепким, как проклятие».

История кофе берёт начало с древнейших времён и уходит корнями в цивилизации Ближнего Востока, хотя происхождение его остаётся неясным. Вероятно, впервые потреблять напиток начал народ оромо в Эфиопии.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что настоящие кофеманы пьют его в десятки раз больше. А я, напуганный врачебной пропагандой на Кубе не позволял себе более 10 чашек. И как я об этом сейчас жалею!

Как большой любитель кофе был известен Наполеон Бонапарт. Все важные решения великий полководец принимал за чашечкой кофе, в который он любил добавлять ещё и коньяк. Терпкий напиток для него был способом взбодриться и сосредоточиться. Наполеон говорил: «Крепкий кофе в больших количествах — вот что необходимо мне, чтобы проснуться. Он согревает и придаёт мне силы. Иногда он причиняет сладкую боль, но я скорее предпочту страдать от неё, чем откажусь от кофе».

Отношения кофе и другого великого француза — родоначальника реализма в европейской литературе Оно-

ре де Бальзака — сложно даже себе представить, не то, что описать. Писатель ежедневно выпивал по 50 чашек кофе, но порой и этого ему было мало. Кофейник сопровождал его в каждом путешествии, а коронный рецепт классика включал равное количество молотого кофе и воды. Если сварить напиток не было возможности, Бальзак просто жевал жареные кофейные зёрна. Великий прозаик считал, что «кофе — союзник, с которым писательский труд перестаёт быть мукой». Подогревая себя десятками чашек крепкого напитка, Оноре де Бальзак так объяснял своё пристрастие: «Идеи приходят в движение и начинают маршировать, как батальоны великой армии на великой войне. Мысли вздымаются к небу, как флаги на высоких флагштоках; кавалерия метафор развёртывается в великолепном галопе: артиллерия логики выстреливает всеми патронами из крытых военных фургонов; по приказу воображения стрелки зрения открывают огонь; чернила разливаются по бумаге — ночной труд начинается и заканчивается в этих чёрных потоках, как битва начинается и заканчивается чёрным порохом».

Вряд ли отставал от Бальзака великий французский философ Франсуа-Мари Аруэ, он же Вольтер. Современники писали о тех же 50 чашках кофе, выпиваемых им каждый день. Вольтеру принадлежит такое высказывание: «Если кофе — яд, то исключительно медленно действующий, поскольку сам я умираю от него более полувека». И если Бальзака пристрастие к благородному напитку в конечном итоге убило — он умер в 51 год, и здоровье его при этом было в полнейшем расстрой-

стве, — то Вольтер ушел в вечность в возрасте 83 лет, будучи ещё весьма крепким стариком.

Любовь первого императора российского Петра Великого к кофе была столь сильна, что он не поленился привить её всей России. Человек богатырского здоровья и комплекции, государь пил кофе крайне крепкий, чёрный без молока и сахара. Впрочем, было бы ошибкой считать, что Пётр I, был первым, кто привёз кофе в Россию. В летописях имеются сведения, что ещё князь Владимир Красное Солнышко пил напиток «каву», доставляемый заморскими купцами. Отец Петра I, царь Алексей Михайлович Тишайший, и вовсе употреблял кофе по предписанию придворного врача. Но именно Пётр Алексеевич был первым, кто заставлял сподвижников употреблять этот напиток.

Большой любительницей «испить кофейю» была и самая прославленная российская императрица Екатерина II. Напиток она пила крепчайший: фунт обжаренных зёрен на 5 чашек кипятка. Соответственно на одну порцию бодрящего напитка приходилось четыре столовые ложки молотого кофе. Правда, чтобы отбить горечь, она добавляла в кофе немного сливок. Рассказывали, что однажды императрица подала чашечку такого кофейку, принесшему некое донесение офицеру, чтобы тот согрелся с мороза. Тот разом выпил, но после этого у него начался приступ сердцебиения и он едва не упал в обморок. Вот каков он, царский кофе!

Как заядлый любитель кофе был известен и выдающийся русский певец Фёдор Иванович Шаляпин. Он любил вспоминать, как однажды за чашечкой кофе бе-

седовал о музыке с великим немецким композитором Рихардом Вагнером.

Ещё один немецкий композитор — Людвиг ван Бетховен — запомнился современникам как довольно вспыльчивый человек. Бетховен очень любил кофе, и если его лишали любимого напитка, то становился совершенно невыносимым.

Большими кофеманами были также шотландский историк и философ сэр Джеймс Макинтош и британский премьер-министр Уинстон Черчилль. При этом Макинтош считал, что сила человеческого ума прямо пропорциональна количеству выпитого кофе, а Черчиллю принадлежит любопытное высказывание: «Кофе — напиток очень личный. Его, как и коньяк, нельзя пить кружками!»

Поэт Иосиф Бродский считал, что если не начать день с чашечки свежего кофе, тогда незачем и просыпаться. А компьютерный гений, основатель компании «Майкрософт» американец Билл Гейтс говорит: «Ради кофе можно пойти на всё. Даже на работу».

Может, все эти люди ошибались? И вредили своему здоровью чем-то всего лишь иллюзорно полезным, как, к примеру, многие рок-музыканты гробили и гробят себя наркотиками, якобы стимулирующими творческие процессы? Как бы не так! Чем дольше учёные исследуют свойства кофе, тем больше убеждаются, что этот напиток скорее полезен для организма, чем вреден. По результатам обширных, кропотливых исследований удалось выяснить, что кофе отнюдь не вредит печени, не разрушает сердечно-сосудистую систему, не вызы-

вает рак. Учёные к настоящему времени убедились, что в умеренных дозах кофеин благотворно влияет на работу головного мозга, не только помогает сосредоточиться на решении тех или иных задач, но и улучшает долговременную память. Похоже, это вещество ещё и замедляет развитие опасной и часто встречающейся болезни Паркинсона, а также защищает клетки мозга больного человека от разрушения.

Умеренное потребление кофе благотворно сказывается на обмене веществ и позволяет снизить риск заболевания диабетом второго типа — тем самым, когда из-за недостатка в организме фосфора инсулин перестаёт взаимодействовать с глюкозой. Кофе является ещё и антидепрессантом: не только бодрит, но и радует, что называется, греет душу. Отмечено, что среди самоубийц и людей, страдающих психическими заболеваниями, чаще встречаются те, кто с кофе, увы, не дружен.

Несколько лет назад специалисты Гарвардского университета обобщили результаты ряда исследований, длившихся свыше 20 лет. В них приняли участие более 95 тысяч женщин и 27 тысяч мужчин. Регулярные опросы позволяли подробно выяснить гастрономические пристрастия и состояние здоровья участников тестирования и происходившие в них постепенные изменения. При обработке анкет учёные обратили внимание на случаи, когда люди внезапно охладевали к кофе. Они проследили за тем, как менялось их здоровье, уделяя особенное внимание, когда у исследуемых развивался диабет.

Статистика оказалась таковой: если люди начинали выпивать на одну чашку кофе в день меньше, ве-

роятность заболеть диабетом у них возрастала на 17% по сравнению с теми, чья любовь к бодрящему напитку не тускнела с годами. У тех, кто напротив, всё усерднее налегал на кофе — выпивал на одну чашку больше прежнего, — риск заболеть снижался на 11%. Выяснилось, что менее всего диабету подвержены те люди, которые пьют более трёх чашек в день. Среди них заболеваемость диабетом второго типа оказалась на 37% ниже, чем среди тех, кто довольствуется одной чашкой в день.

Впрочем, проверять полученные в ходе эксперимента данные на себе не стоит.

Исследователям из Саутгемптонского университета удалось выявить обратную зависимость между пристрастием к кофе и циррозом печени. В основу их статистики лёг целый десяток исследований, в которых в общей сложности участвовали свыше 430 тысяч человек. Анализируя их анкеты, британские учёные выбрали ответы тех, кто постепенно пристрастился к кофе — стал выпивать в среднем на две чашки больше, чем до начала опроса. Выяснилось, что риск заболевания циррозом печени у них понизился на хорошо ощутимые 44%. Вот только учёные не могут пока сказать, какие именно вещества, содержащиеся в кофейных зёрнах, обладают столь сильным лекарственным воздействием.

Американским и израильским учёным удалось выяснить, что любители кофе реже болеют раком кишечника. Статистика продемонстрировала, что среди тех, кто выпивал 1—2 чашки кофе в день, вероятность заболеть раком кишечника на 26% ниже, чем среди тех, кто чёрного кофе боится, словно нечистой силы. Види-

мо не случайно: кофе содержит немало компонентов, которые стимулируют работу кишечника и укрепляют его. Это, например, антиоксиданты, которые замедляют разрушительные процессы в клетках за счёт того, что защищают их от свободных радикалов. Кофе ныне признают важнейшим для человека источником антиоксидантов, ведь он содержит их в десяток раз больше, чем многие виды фруктов и овощей.

Так что в умеренных количествах кофе только полезен.

3—4 чашки в день для человека с хорошим здоровьем вполне можно считать «тем, что доктор прописал». Хотя повторять дозировки Бальзака и Вольтера вряд ли разумно и даже опасно.

ДРУЖОК

Мне кажется, что идеал собаки у каждого формируется с детства и зависит от того, где и при каких обстоятельствах впервые с ней повстречался. От этого и возникает либо горячая любовь к ней, либо полное её неприятие. Когда в начале войны в 1941 году мы с матерью переехали в деревню к бабушке (матери отца), у них была уже взрослая и опытная охотничья карело-финская лайка Розка, которая разглядев меня, поняла моё восхищение и некую робость подошла ко мне и в знак

поощрения облизала мой вечно сопливый нос. Так сразу у нас завязалась дружба. Это была и охранница и кормилица. Она умела особыми приёмами, облаивая «удержать» на дереве глухаря, отвлекая его на себя, чтобы охотник успел за это время подойти на расстояние выстрела. Она могла выгнать на охотника зайца, косулю, лису, а то и волка. Она могла, жертвуя собой, удержать медведя от нападения на хозяина.

Я всегда любовался её красотой. Она была светло-рыжего цвета с карими глазами и коричневым носом. Мягкая, густая и длинная шерсть, более длинная на шее и конечностях украшает их воротником и «штанами». Хвост на спине всегда свёрнут кольцом. За отсутствием других мужчин (дядя Вася был призван в армию), хозяйном Розка считала моего дядю Анатолия (младший брат отца, всего на 6 лет старше меня) и всюду его сопровождала. Анатолий часто брал меня на охоту, хотя я тогда больше был помехой, чем помощником. Так, однажды зимой Розка выгнала на нас волка. Анатолий выстрелил, волк упал, но тут же, вскочив, бросился в овраг, где провалился с треском в ручей, и, выбравшись оттуда, скрылся на другой стороне оврага. Анатолий успел перезарядить старую берданку. Мы пошли по следу и сразу обнаружили кровь и Анатолий заявил, что через час волк уже не сможет передвигаться и ляжет. Идти по следу было несложно, так как снега в начале зимы выпало ещё мало, но тут я захотел писать, и меня нужно было раздеть чуть не догола, чтобы добраться до моего «хозяйства». Зимы были холодные и бабушка, естественно, укутала

меня на совесть. Пока проводили эту операцию, стало смеркаться, и Анатолий решил отложить поиски зверя на завтра. Но ночью выпал большой снег и скрыл все следы вчерашней охоты. Это была большая потеря. В войну волков развелось очень много и за шкуру убитого волка сельсовет награждал охотника овцой. Говорили, что волки лесами уходили с запада на восток от войны, но скорее всего они расплодились поскольку охотников призвали на войну. Кроме того по указанию органов с началом войны все ружья были сданы в сельсовет и лишь на следующий год, после победы под Москвой, охотничьи ружья вернули населению. Но не все. У дяди Васи была хорошая двустволка тульского завода, видимо, она пришлась по вкусу какому-то НКВДешнику. Непонятно, может вождь боялся восстания? Это как раз исключалось — весь народ сплотила общая беда — нашествие врага.

Однажды Розка чуть не погибла. Анатолий работал на лесозаготовках, и ружья с собой у него не было. На Розку напала громадная рысь. Схватка была страшной и долгой, Анатолий боялся к ним приблизиться. В конце концов, Розке удалось мёртвой хваткой вцепиться в горло рыси так, что Анатолий с трудом оторвал её от мёртвой рыси и принёс Розку домой на руках. К счастью дома, после дежурства, оказалась мама, которая работала в больнице операционной сестрой. На Розке не было живого места, и я безутешно рыдал, думая, что она умерла. Мама более двух часов сшивала на Розке разорванные места и обработала все раны. Только через неделю Розка начала вставать на ноги, и её

безграничное уважение перешло от Анатолия к маме, а шкура рыси долго служила ковриком у кровати матери.

С детства самые нежные чувства питаю к лайкам всех пород. Служебных и охотничьих собак уважаю, декоративных презираю, а всех бойцовых ненавижу, считая, что у их обладателей, мягко говоря, не совсем здоровая психика.

Сейчас существует более 400 пород собак, начиная от мексиканского чихуахуа, которого можно уместить в чайном стакане, до стокилограммовых монстров, которых я называю слонопотами.

В индийском эпосе своеобразное толкование получила легенда о Христе. Якобы шел Иисус по джунглям, а за ним бежала дикая собака и кусала его за ноги. Долго терпел Спаситель, потом остановился и произнёс: «Обрекаю тебя на любовь к человеку!»

Постоянное стремление быть истинным другом человека — вот что отличает собаку от всех других животных.

«...По белому безмолвию Аляски тащится упряжка. В нартах неподвижное тело ещё живого, но совсем обессиленного человека. Пурга застала их неожиданно. Собаки сбились с пути, разумнее было бы разбить временный бивуак и переждать пургу, но в посёлке ждали противодифтерийную сыворотку — маленький ящик, укутанный в оленьи шкуры.

Трудное дыхание, капли крови от сбитых лап. Человек бежал рядом с нартами. Одна за другой падали на снег собаки, человек перерезал постромки и снова

гнал упряжку вперёд. Он знал, как тяжело и безнадёжно умирают дети от дифтерии.

Но человек изнемог, рухнул в нарты и застыл хрипло дышащим комом. А Балт, поджарый вожак, вёл упряжку дальше. Он знал, что в нартах лежит хозяин и, может быть, умирает. И вёз его к людям. И вывез! История не сохранила имени каюра, а Балту на Аляске поставили памятник. Не его фантастическому чутью, а золотому его сердцу».

... Специальная группа спасателей сняла со скалы в Альпах овчарку Титуса. Она провела неделю без пищи после того, как обнаружила под снежной лавиной своего хозяина, альпиниста Даниеля Джорджа, и откопала его из-под толщи снега. Альпинист был спасён.

Среди самых достойных четвероногих спасателей — Аякс, или, как говорят о нём, «Герой Дахштейна». В горах Дахштейна в 1954 году лавина застигла в пути 11 школьников и учителя. В спасательной группе оказалась овчарка с именем древнегреческого героя. Аякс работал 96 (!) часов подряд. Он скрёб когтями и разрывал слежавшийся снег, пока не свалился от изнеможения. Лапы его были стёрты до кости и обморожены. Аякса отнесли в горную хижину, чтобы сделать перевязку. Но пса нельзя было удержать под крышей. Он кидался на запертую дверь и скулил, а вырвавшись, стремглав помчался к месту обвала и откопал очередного человека.

В Париже есть памятник сенбернару Барри. В течение 12 лет нёс он трудную службу в горах. Он спас 40 (!) человек. Сорок первым оказался солдат армии Наполеона, пробиравшийся домой после разгрома под Москвой.

Барри вырыл его из-под снега и привалился к нему косматым боком, согревая. Человек очнулся... Чучело Барри — одна из самых дорогих реликвий Бернского музея.

Собаки ищут преступников и наркотики, полезные ископаемые и мины.

Пикклс (по-английски — «Шалопай») спас престиж Великобритании. Этот беспородный пёс разыскал украденный золотой кубок богини Ники, который вручается чемпионам мира по футболу.

Собаки спасают людей в море, под снежными обвалами, вытаскивают из горящих зданий, находят в районах пострадавших от землетрясений.

В городе Грама во Франции существует специальная школа для собак — спасателей утопающих. В основном это ньюфаунленды, прозванные «морскими сенбернарами». Тонущий хватается за укреплённую к спине собаки резиновую ручку и животное буксирует его 25 километров по бурному морю. Спасая уже нахлебавшегося, ньюф ныряет на глубину до 20 метров, мягко подхватывает человека зубами за предплечье и, закинув туловище за спину, вытаскивает на сушу.

Мир собачьих профессий динамичен — исчезают за ненадобностью одни, появляются другие. Предназначенные для спринтерского броска борзые с их длинными ногами и великолепными аэродинамическими обводами — пример узкой специализации породы. Но ушли в прошлое большие псовые охоты...

«Мне приходилось ездить на всевозможных собаках, — пишет известный норвежский исследователь Арктики и Антарктиды Йон Евер, — и даже среди самых

что ни на есть отъявленных дворняг, я порой встречал собак с таким огненным темпераментом, что они побивали любые рекорды. Почему же принято считать, что чем породистой собака, тем она надёжней?

Тысячи беспородных собак отдали свою жизнь в тяжелое время войны. Мало кто знает, что их хозяевам даже посылали похоронки на собак... Собаки нашли огромное количество мин, вытаскивали с поля сражения раненых, бросались под поезда и танки, взрывая их.

Мы помним таких собак, как Кучи из Варны, который ежедневно приходил на берег моря и, стоя по брюхо в воде ждал, пропавшего без вести хозяина-рыбака.

Таких, как Верный, не пропустивший в течение 14 лет ни одного поезда, на котором, по его разумению, должен был вернуться хозяин-машинист, убитый фашистской бомбой.

Как Дик, шотландская овчарка, разыскавший 12 тысяч мин(!) заложенных на дорогах войны, обнаруживший за час до взрыва мощную бомбу под фундаментом Павловского дворца под Санкт-Петербургом.

Как терьер Бобби из Грейфрайерса, проживший долгие годы отшельником на могиле хозяина, впоследствии на ней и умерший.

Кроме необычайной преданности и любви к хозяину, собаки обладают прекрасной памятью. Лауреат премии «Русский буккер десятилетия» Александр Чудаков в книге «Ложится тьма на старые ступени» вспоминает эпизод о щенке, которого ему подарили в детстве, но вскоре из-за сложившихся обстоятельств, передали знакомому, работающему на скотобойне. Тот рассказы-

вал, что Буян сидит на цепи, стал злой и сильно разжирел. Саша очень переживал эту разлуку и через много лет, когда он уже вырос и заканчивал 10-й класс, решил навестить друга. ... «Огромный гладкий пёс метался и хрипел, натягивая цепь. Саша открыл калитку и пошел прямо на него.

— Стой, так твою мать! — Закричал хозяин с крыльца. — Раззорвёт!

— Буян, — сказал Саша. — Буян — пёса.

Буян остановился как вкопанный, потом бросил в прыжке передние лапы на плечи Саши, едва не сбив его с ног, и стал быстро, взхлёб лизать ему нос и щёки».

Во время войны в Киеве немцы интернировали еврейскую семью, а принадлежавшую им овчарку забрали себе. Через два года из-за повреждения железнодорожных путей группа вывозимых детишек была немцами определена в полуразрушенное здание. Ночью охрану несли в основном собаки. И вот чудом выжившие дети из той еврейской семьи, девочка семи лет и мальчик четырёх были разбужены прикосновением холодного носа. Овчарка узнала их, мгновенно сообразила, в каком бедственном положении находятся они, и несколько минут спустя вернулась с варёной костью. Каждую ночь носила она им пищу из собственной миски картошку, куски мяса и, что характерно, делала она это крадучись, тайком от новых хозяев.

Вся эпопея полярных исследований была успешной благодаря собакам. Но история нам говорит только о силе человеческого духа и ничего о собаках, которые ценою собственной жизни обеспечили успех покорения обоих полюсов Земли.

История покорения Южного полюса — это история состязания норвежских исследователей под руководством Руаля Амундсена и группы англичан, возглавляемой Робертом Скоттом.

В 1895 году экспедиция норвежца Фритьофа Нансена на собачьих упряжках дошла до Северного полюса и установила, что в этом месте нет земли, а находятся дрейфующие льды.

В 1908 и 1909 годах американцы Фредерик Кук и Роберт Пири заявили о том, что группа каждого из них покорила Северный полюс. В качестве доказательства оба представили только фотографии на фоне льдин, так что их право первооткрывателей до сих пор оспаривается.

Тем не менее, в сознании путешественников укрепились мысль, что единственное место на Земле — Южный полюс. И тот, кто побывает там первым, поставит точку в истории Великих географических открытий.

Именно в роли первооткрывателя заявил себя честолюбивый англичанин Роберт Скотт. В ноябре 1902 года он вместе с ещё двумя британцами высадился на берег ледового континента, и группа начала путь на юг. Движение осуществлялось на собачьих упряжках — но Скотт плохо рассчитал время пути и количество взятых припасов. В результате экспедиция преодолела примерно половину расстояния до полюса и была вынуждена повернуть назад. На обратном пути собаки погибли от голода (иначе погибли бы люди), а один из исследователей, Эрнест Шеклтон, тяжело заболел цингой.

Роберту Скотту и третьему участнику перехода, Эдварду Уилсону, тянувшими за собой сани с Шеклтоном

и остатками провизии, удалось добраться до базы, куда через месяц пришло судно с продуктами. На этом корабле Шеклтона отправили назад, а другие путешественники продолжили изучение Антарктиды. В 1904 году исследователи вернулись в Англию, и Скотт начал готовиться к новой экспедиции.

Основным конкурентом Роберта Скотта считался его недавний соратник Шеклтон. В 1907 году он организовал собственную экспедицию на Южный полюс.

Но путешественники, которых Шеклтон взял с собой, не имели опыта полярных переходов и двигались слишком медленно. Измученные люди нуждались в отдыхе и лечении — и Шеклтон, не дойдя до полюса 180 километров, приказал повернуть назад.

Амундсен узнал, что англичане под руководством Роберта Скотта предпринимают новую попытку покорить Южный полюс, решил опередить их. Группа норвежцев насчитывала пять человек, у них было четверо нарт, запряжённых 52 лайками. Каждый из участников экспедиции был опытным лыжником. Их одежду, по предложению Амундсена, сшили из старых шерстяных одеял, она получилась лёгкой и тёплой.

14 декабря 1911 года группа достигла Южного полюса. За несколько проведённых там дней норвежцы с помощью астрономических приборов определили своё точное местоположение — чтобы не было ошибки. Они установили на полюсе шест с норвежским флагом и палатку под названием «Пульхейм» («полярный дом»), где оставили письма своему королю и группе исследователей Роберта Скотта.

26 января 1912 года экспедиция вернулась в Китовую бухту. Весь переход с учётом пути назад продолжался 99 дней. Никто из исследователей не погиб и не заболел, но у полярников осталось всего 11 собак.

Роберт Скотт, как и Шелктон, после своей первой полярной экспедиции перестал доверять собакам, что явилось причиной трагедии. В качестве средства передвижения были выбраны мотосани и маньчжурские морозостойкие лошади. Решение оказалось ошибочным — сани постоянно ломались из-за мороза, а лошади застревали в снегу.

Члены экспедиции Скотта выступили в поход тремя группами — с тем, чтобы два вспомогательных отряда потом повернули обратно. С самого начала начались трудности. Почти все мотосани вышли из строя, а лошади не выдерживая условий перехода, гибли. Последних умирающих животных застрелили при обустройстве лагеря, который из-за этого назвали «Бойня».

3 января 1912 года Скотт принял решение — к полюсу идут он и ещё четверо, все будут передвигаться на лыжах и тянуть за собой сани с приборами, топливом и провиантом.

17 января англичане достигли цели. Каково же было их разочарование при виде флага и палатки норвежцев! Роберт Скотт записал в своём дневнике: настроение людей такое, что он сомневается, выдержат ли они путь назад.

Обратно смертельно уставшие путешественники двигались очень медленно. Не хватало продовольствия, перед прибытием к ближайшему базовому складу; один из членов группы, Эдгар Эванс, умер от холода и голода.

Следующим погибшим стал Лоуренс Отс — из-за отморожения пальцев на ногах он с трудом передвигался и, чтобы не стать обузой для остальных, во время пурги ушел в сторону и спрятался от группы.

Трое путешественников продолжали движение ещё пять дней. Всего в 20 километрах от другого базового склада с продуктами и топливом их застала жесточайшая пурга, длившаяся несколько суток. Британцы умерли от холода в спальных мешках в своей палатке. Последняя запись в дневнике Скотта гласит: «Ради Бога, не оставьте наших близких!»

Палатку, в которой замёрзли Роберт Скотт и двое участников его экспедиции, обнаружили несколько месяцев спустя. В ней убрали подпорки — и она стала саваном для погибших. Над ней сооружены ледяная пирамида и деревянный крест с цитатой из поэмы Альфреда Теннисона «Уллис»: «Бороться, искать, найти и не сдаваться».

Другая палатка, оставленная норвежскими исследователями, сохранилась до наших дней — правда, превратилась в замёрзший кусок ткани и в результате естественного движения льдов теперь находится примерно в километре от Южного полюса, удаляясь от него со скоростью 10 метров в год...

Западная статистика утверждает, что в семьях, имеющих собак, в три раза реже смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, т.к. животное нейтрализует стрессы. Но и простудными заболеваниями в таких семьях болеют в два раза реже. Видимо дыхание пса создаёт в квартире своеобразную бактеризирующую сре-

ду. Достоинства собак можно перечислять долго, жаль только, что человек этим достоинствам не всегда соответствует. Зоопсихологи уверяют, что по породе собаки можно определить характер её хозяина. Владельцы догов честолюбивы, им нравится командовать. Хозяева доберманов требовательны и ревнивы. Любители овчарок обладают сильным характером, педантичны и прямолинейны. Владельцы спаниелей дружелюбны и очень надёжны. Такс выбирают добряки, всегда готовые прийти на помощь, пуделей — взбалмошные натуры, легко впадающие как в эйфорию, так и в депрессию, а сенбернаров — люди, стремящиеся к семейному уюту. Если же ваш четвероногий друг беспороден, то у вас доброе сердце, вы великодушны и преданы близким.

Как я писал ранее, в детстве у нас была собака-лайка. Через много лет, когда я уже заканчивал горный техникум, отец взял в питомнике щенка — красного ирландского сеттера по кличке Вега. Когда я бывал дома, то успешно охотился с ней на разную пернатую дичь. Охота с подружейной собакой необычайно интересна. Собака бежит, разыскивая дичь, челноком в пределах твоей видимости и, найдя птицу, замирает, то есть делает «стойку». При этом, корпус собаки от носа до кончика хвоста струною вытянут в сторону затаившейся в траве или кустах птицы. При стойке собака поднимает и держит согнутой правую переднюю лапу. Она хорошо чувствует, когда птица может взлететь и останавливается в последний момент, не делая лишнего шага, и всё её тело дрожит от страсти и возбуждения. Тогда, берёшь на изготовку ружьё, и, не доходя до собаки деся-

ти метров, даёшь команду: — «Пиль!» Собака стремглав бросается вперёд, птица взлетает сначала вверх, затем, переходя в горизонтальный полёт на мгновение зависает, в этот момент её и нужно стрелять. Если сделаешь промах, то тебя обязательно ждёт укоризненный взгляд.

Слава Богу, мазал я редко.

При всех достоинствах Веги у неё был один недостаток — она не придушивала подранков, а догнав, прижимала лапами и грудью бьющуюся птицу, отвернув свою голову назад. Отец начал её натаскивать уже в 3-месячном возрасте и однажды раненый чирок, пока она несла его к отцу, расклевал до крови ей нос. Но это вина отца: в таком юном возрасте нельзя начинать натаску — собака ещё слаба и недостаточно агрессивна.

Я всю жизнь мечтал завести собаку, но условия жизни не позволяли это сделать. Сначала посменная работа и заочная учёба, потом постоянные переезды и прочие неурядицы в жизни не позволяли это сделать. Заводить собаку — дело ответственное.

Только в 1988 году, вернувшись с Кубы, жизнь вошла в свободную колею, мы на семейном совете решили завести собаку, конечно, в основном по просьбе младшей семилетней дочери Маши. Мы знали, что Маша наиграется, и все заботы о собаке лягут на меня и жену, все равно сознательно пошли на этот шаг. Для этого ходил на птичий рынок, но остановили меня похабные крики продавца: «Вы здесь можете купить друга!» — И продать тоже, — ответил я ему и ушел с рынка.

Вскоре на 3-ей проходной ТЭЦ-23 Мосэнерго я увидел красивого, уже довольно взрослого 6—7 месяцев щенка

с явно дворянской родословной. Он жил на проходной с матерью, верно служившей работникам ВОХРА. Своей статью, экстерьером и окрасом он в точности был похож на восточно-сибирскую лайку. Только вот кончики ушей подкачали — они были подогнуты вперёд, прикрывая на одну треть раковины ушей. Зато у него была умная и забавная морда. Он умел улыбаться вполне осознанно и натурально, выпрашивая у прохожих подачку. Редко у кого не дрогнет сердце, видя, как собака, слегка приоткрыв рот, показывает зубки, прищулив при этом глаза, которые смеются, и рука невольно лезет в карман за какой-нибудь конфетой. Я читал у Арбатовой, что в Индии много бродячих собак, которые зарабатывают себе пропитание тем, что профессионально попрошайничают. Например, собака изображает, что у неё парализована задняя часть тела, и она тащит её в пыли, скуля от боли, но получив подачку, вскакивает и мгновенно убегает.

Я спросил у вахтёра можно ли купить этого щенка? — Да, забирай, он бездомный. Купив вахтёру бутылку водки (она тогда была в большом дефиците стараниями Горбачёва и продавалась только по талонам), мы стали решать, как щенка транспортировать. Уходить оттуда у пса не было желания. Тащить его на руках я побоялся, так как он имел грозный вид и довольно злобно рычал. Тогда решили вести его на поводке. Вахтёр укрепил на шее собаки мой брючный ремень, и я волоком тащил его 1,5 километра до дома. Щенок упирался всеми четырьмя лапами до самого конца, так, что изо рта шла розовая пена. Я тогда подумал, что у собаки есть характер, значит, пёс будет отличным.

В Европе и Америке имидж беспородных собак значительно вырос и составляет 30% от общего числа домашних любимцев. Как и все метисы, эти собаки несут особенности ряда пород, оставляя в себе лучшие для выживания качества. Они почти не подвергаются заболеваниям, великолепно адаптируются к среде обитания, обладают прочной, уравновешенной нервной системой.

Нечистопородные лайки — лайкоиды — прекрасно проявляют себя на охоте и в упряжке.

Единственная идеальная собака — это собака, которую вы любите и которая любит вас.

Дома я бросил старое одеяло в угол у входа и сказал ему — «место!» Он тот час же меня понял и улёгся на него. Без всяких эмоций позволил снять с шеи брючный ремень. Меня удивило, что собака понимает всё, что ей говорят. После 6 месяцев время воспитания прошло, и я не надеялся его чему-то научить. Один год жизни собаки равен 7 годам жизни человека, которого без контакта с человеком после 3-летнего возраста ничему не научишь. Учить и воспитывать необходимо сразу после рождения.

Когда пришла Маша, сразу в восторге начала ласкать и целовать его умильную рожу. Подожди, — сказал я, — нужно его сначала как следует вымыть. Я уже был уверен, что он будет слушаться, поскольку покорил своей воле, а он сделал вывод, что противиться ей не имеет смысла. Также сразу он начал слушаться Машу и впервые в жизни позволил себя выкупать. Зная, что воспитывать его поздно я полагался на его благоразумие. Кроме того жизнь сама даёт незабываемые, порой жестокие уроки.

Я не хотел приучать его к поводку, надеясь, что он будет спутником моих ежедневных тренировочных пробегов по 15—20 км. Держать в это время собаку на поводке утомительно, так как она будет сбивать с темпа. Вскоре на тренировке нам встретился знакомый, также кандидат в мастера по марафону. Увидев собаку он воскликнул: «О, Кузя!» Я был согласен с этой кличкой, которая подходила к простодушному наиву его рожи и дома заявил, что это будет Кузя. Но жена сразу, же отвергла это предложение. Никакой не Кузя, это будет Дружок. Так и утвердилась за ним эта кличка.

Меня удивляла выносливость собаки. Я с ним ежедневно по Измайловскому лесопарку вокруг Лебедянского и Красного прудов пробегал около 20 км и он всегда бежал впереди меня с видимым удовольствием, рыская вправо и влево челноком в поисках добычи, как и полагается охотничьей лайке. В первые-же дни мы узнали, что он обладает великолепным чутьём. Однажды мы с женой ушли в магазин, а часом позднее с Дружком пошла гулять Маша. Он сразу сбежал от неё и по нашим следам пришел к дверям магазина, где и дождался нас. Для этого он преодолел значительное расстояние и пересёк Щёлковское шоссе, где за это время прошли сотни людей и машин. Кстати, машин он стал опасаться чуть позднее, когда получил болезненный урок. Мы с ним пошли гулять, предварительно перейдя дорогу, а по ней на большой скорости приближалась машина. Я закричал: — «Дружок, стой!», а он, глядя на меня выбежал на дорогу и его ободом заднего колеса отбросило в сторону. С перепугу, повизгивая от боли, Дружок скрылся

и вернулся, прихрамывая только через два дня. После этого машин он панически боялся. Убедившись сначала, что справа и слева нет близко машин, он стремительно пересекал дорогу.

В первый месяц жизни у нас Дружок стащил со стола на лоджии килограммовый торт «Полёт» и аккуратно его съел, вылизав все крошки. Сладкого он наелся на всю жизнь. А тогда, получив ещё внушение, он без разрешения никогда ничего не брал, и когда его кормили, он ждал команды, когда нужно приступать к трапезе. Причём нужно было ласково сказать: — «Кушай, Дружок». Если сказать грубо: — «Ешь», то к еде он не прикасался.

Весной впервые вывезли Дружка на дачу. Когда дошли до метро я раскрыл рюкзак и скомандовал: — «Залезай!» Он запрыгнул в рюкзак, я закинул его за спину и он там не шелохнулся. Так я и в следующие разы проходил с Дружком мимо контролёров. В метро я клал на колени рюкзак и освобождал голову Дружка, который сейчас же начинал разглядывать пассажиров и всем улыбаться и, удивительно всегда озабоченные и сосредоточенные люди сами расползались в улыбках, и по вагону проходила тёплая волна сопричастности и доброжелательности.

Когда приехали в Электрогорск, где в 3-х км от платформы была дача, машинист электровоза дал громкий сигнал и Дружок испугавшись, сиганул с 3-метровой высоты на противоположную сторону платформы и нырнул под забор мебельной фабрики. Мы с полчаса звали Дружка, но он так и не появился. Я сказал: — «Ладно, пойдём, если собака стоящая, то по следам найдёт». Су-

пруга и Маша не верили, что собака может нас отыскать, тем более что нужно было пересекать Горьковское шоссе и шоссе на Электрогорск, по которым сплошным потоком шли машины.

На даче, выпив кофе, я вышел на крыльцо и увидел, что по нашей улице, уткнув нос к земле, приближался Дружок. Я позвал своих посмотреть, как он вынюхивает наши следы. Когда он добежал до калитки, мы окликнули его и он, увидев нас, взвыл от радости.

Другой, ещё более удивительный случай произошел с ним через несколько лет. Тогда мы с Дружком пошли провожать до железнодорожной платформы супругу, которая уезжала с дачи домой в Москву. Возле платформы в лесопосадке я увидел подосиновик и зашел туда в надежде ещё что-нибудь найти. В это время подошла электричка и супруга вошла в вагон, а Дружок последовал за ней. Она вытолкнула Дружка на платформу, но он запрыгнул в двери соседнего вагона. Жена этого не видела, и они уехали в Москву. На Курском вокзале Дружок потерял хозяйку, а в метро его наверняка не пустили и Дружок решил вернуться на дачу, где я жил, находясь в отпуске.

Пришёл он туда через неделю и судя по стёртым чуть не до костей лапам, искал дачу бегая по камням железнодорожной насыпи. Он выпил сразу три литра молока, которое очень любил и несколько дней отлёживался. Я забинтовал его лапы, наложив на них листья подорожника. Остаётся загадкой, как ему удалось отыскать меня. Думаю, что он, останавливаясь на станциях, ориентировался, когда объявляли их названия, которые он

запомнил в поездках, и методом проб и ошибок, выбирал направления вдоль путей. Меня всегда удивляло то, что он внимательно вслушивался в человеческую речь, и по его реакции было видно, что он многое понимает. Учёные доказывают, что некоторые собаки запоминают и знают значения более чем 300 слов.

Когда на даче садились обедать или ужинать я посылал его за Машей, которая обычно была с ребятами на игровой площадке у сторожки. Иногда Маша не шла, я посылал во второй раз и тогда Дружок приводил её, держа зубами за рукав рубашки. Однажды у нас на даче жила наша подруга, а мы должны на пару дней съездить в Москву, и сказали ей, что поживёшь здесь одна. Дружок, как всегда, внимательно слушал нас и даже взвизгнул с досады. Мы засмеялись, и я его успокоил, — конечно же, она будет не одна, а с тобой и ты будешь её охранять. Дружок успокоился и принял довольный и гордый вид.

Как я уже упоминал, что он очень любил молоко и начинал волноваться и лаять, когда слышал за несколько километров машину, которая три раза в неделю привозила с фермы молоко. Обычно дачников за ним собиралась большая очередь, но Маша, благодаря Дружку, всегда была первой. А он за свои старания получал полную миску молока.

Он считал себя обязанным охранять два соседних участка, хозяева которых любили Дружка и часто угощали его какой-нибудь вкуснятиной, вроде кусочка колбасы. Однажды во время обеда мы в окно увидели, как с соседнего участка, опекаемого Дружком, один дач-

ник, с противоположного конца садового товарищества, взял моток колючей проволоки, взвалил себе на плечо и понёс к себе. Слушай, сказал я, а где Дружок? Он ведь искушает его, если увидит. И тут же мы увидели, как откуда-то появился Дружок и молча, вцепился в ягодицу вора. Тот закричал и бросил свою ношу. Я выскочил из дома и отозвал Дружка, а похититель с руганью побежал жаловаться на нас председателю садового товарищества. Председатель, суровая женщина, тут же явилась к нам, и я объяснил ей, что Дружок считает себя обязанным охранять дачи Виктора Фёдоровича и Владимира Петровича в отсутствии хозяев. Галина Владимировна похвалила Дружка и погладила его по голове, а похитителю заявила, что его ещё мало покусали.

Поражала отчаянная храбрость Дружка и отсутствие чувства самосохранения. На собак, равных ему по росту, лающих на него, так же, как на всякую мелюзгу он не обращал никакого внимания. Но стоило какому-нибудь крупному кобелю зарычать на него, он, не раздумывая, сразу бросался в драку и многие пасовали от этого напора. Он был вынослив (бегая со мной ежедневно по 20 км) и ловок, а зубы работали со скоростью швейной машинки. Пока соперник разворачивался, он успевал его укусить десяток раз. Однажды я катался на лыжах в Измайловском лесопарке и двое подростков тринадцати-пятнадцати лет натравили на Дружка своего большого кобеля-овчарку, который был неповоротлив в глубоком снегу, а Дружок рвал его со всех сторон. Всё это кончилось тем, что кобель завыл от боли и пацаны взяли его на руки, а Дружок

прыгал и продолжал его кусать. Тогда взвыли пацаны и стали просить меня отозвать Дружка. — Вы натравили на него свою собаку, вот и просите у него прощения. И, действительно, после этого Дружок удовлетворённый побежал восвояси.

В другой раз летом мы бегали привычным маршрутом по семикилометровому кругу вокруг прудов в том же парке. Обгоняем мраморного дога, ростом в холке около метра, которого на поводке выгуливал хозяин. И догу вздумалось зарычать на Дружка. Тот развернулся и бросился на дога. Но пространства для маневра у него не было, и, когда Дружок задом наткнулся на ноги хозяина, дог успел схватить Дружка за горло. У Дружка сразу вывалился язык. Хозяин, разжимая пасть дога, сказал мне, чтобы я забирал Дружка.

— Он что у тебя бешеный?

— Да нет, просто безбашенный и требует к себе уважения.

— Таких отчаянных я ещё не видел, сказал хозяин дога.

Не знала границ и любвеобильность Дружка. Течку у собак Дружок, по-моему, чуял за много километров и тут же исчезал из дома на несколько дней, возглавляя очередную свадьбу. И в доблести там ему не было равных. Как бы то ни было, но через несколько лет вся округа пестрела собаками и щенками, похожих на Дружка как две капли воды. Когда он возвращался из очередного «похода» вонь от него была ужасающая. Чтобы быть неотразимым он обязательно валялся и вымазывался какой-то падалью. Маша, соскучившись по Дружку,

при его возвращении, бросалась его целовать, но зажав нос, отскакивала от него и кричала:

— Папа! Скорее мой его, меня сейчас вырвет!

И папа, взяв Дружка за холку и загривок, ставил его в ванну и мыл два раза сначала хозяйственным мылом, а затем шампунем. Заворачивал его в старое одеяло и клал на подстилку, где он, не шевелясь, просыхал около часа. Он знал, что дома отряхивать с себя воду нельзя.

И сгинул он, как настоящий мужик, из-за своей неуголимой страсти. Тогда мы поехали на дачу сразу от дома на автобусе 760 маршрута до Реутово, а дальше на электричке. Но когда мы подходили к платформе, то за металлической оградой церкви увидели грандиозную «свадьбу», где женихов было более двух десятков. Дружок мгновенно нырнул под ограду и присоединился к ним. Я знал, что звать его бесполезно и было досадно, что после автобуса не взял его на поводок. Грусть и обречённость охватили меня, поскольку я знал, что такая стая ему не по зубам, тем более в чужом районе, где о доблести Дружка и слухом — не слыхивали. После несколько раз ездил через Реутово и бродил по его окрестностям, надеясь встретить Дружка. Но чудес не бывает. Уверен, что стая его разорвала. Он, как всегда, наверняка, хотел возглавить эту «охоту», но стая чужака не приняла, а Дружку уступать не позволил характер...

ТОМАС

Так звали кота — красивейшего, чёрного, с белым брюшком и грудью, с короткими мускулистыми лапами, опушенных белоснежными подушечками. Это был чистокровный длинношерстный перс. Порода, как описывали, очень любопытная и наивная. В хозяина сразу влюбляется, защищает и переживает за него, лечит от остеохондроза и болей в спине. Из характеристик, которые дают персу — отличают его ум, мстительность и привычку подбегать к кормушке много раз в день. Голос он практически не подаёт и может только громко шипеть. Если от хозяина что-то было нужно он просто подолгу пристально, не мигая, смотрит в глаза хозяина большими, желтыми как у совы глазами, и «телепая» ему свою просьбу думает: «Какой же ты тупой, всего лишь нужно заглянуть в мою чашку и понять, что она пуста». Любит ухаживать за своими когтями. Будучи котёнком, он точил свои мощные когти об обивку дивана и кресел, а когда подрос, то понял, что это, по крайней мере, неприлично и точилом ему стало служить полено. А диван и кресла пришлось перевезти на дачу. Котёнком Томаса моя старшая дочь Светлана подарила своей дочке Кате в семилетнем возрасте, что вызвало у неё бурный восторг. Хомячки, попугайчики и декоративный кролик — все как-то не приживались. Кот сразу же дал

понять, кто в доме главный и с этим легко смирились. Стали его баловать, конечно, насколько тот позволял, и покупать ему игрушки, из которых более всего он обожал заводных мышей. И рос кот не по дням, а по часам, пока не достиг пятикилограммового веса. Чтобы ничто в жизни не волновало, его предварительно оскопили.

Кошка одна из популярных «животных-компаньонов», но сама по себе является одиночным охотником на грызунов и других мелких животных.

Сейчас в мире существует около 600 миллионов домашних кошек. Выведено 200 пород от длинношерстных (персидские) до лишенных шерсти (сфинкс). Человеку они служат уже на протяжении 10000 лет, охотясь на грызунов и других вредителей. Названия их у всех народов близко к латинскому — *cattus*.

Общий предок степной — ближневосточная кошка расселилась на заре сельского хозяйства вместе с земледельцами по всему Ближнему Востоку. Несколько тысяч лет спустя вторая волна, вышедшая из Египта, охватила практически всю Европу и Северную Африку.

Если собака в процессе одомашнивания изменила свою модель поведения, сумев развить сильную привязанность к человеку, то кошка по поведению почти не отличается от своего дикого предка, демонстрируя высокую независимость и повадки «одинокого хищника».

Негативный образ кошки, как дикого и подозрительного животного, создан в Средневековье католической церковью, обвинивших их в связи с дьяволом и колдовством. Известны случаи, когда привязанность кошек к хозяевам бывает такая же сильная, как у собак.

Говорят, что собака человеку дана, чтобы он чувствовал себя царём природы, а кошка, чтобы человек чувствовал, что она царь природы.

Самая крупная кошка, согласно «Книге рекордов Гиннеса», достигает в длину 121,9 см и вес 21,3 кг.

Если у кошки слабее зрение, то длиннее усы (вибриссы), для усиления чувства осязания.

У них хорошо развит вестибулярный аппарат и при падении кошка рефлекторно разворачивается для приземления на лапы. В 1976 г. ветеринарным врачом Робинсоном был описан «высотный синдром» кошек, согласно которому, «чем выше здание, с которого упала кошка, тем меньше она получит повреждений», то есть, как ни парадоксально, 15-й этаж безопаснее 2-го.

Средний срок жизни 14 лет, рекорд — 39 лет.

Они любят спать в среднем по 12—16 часов в сутки (до 20 часов). Мяуканье кошки в Англии воспроизводится как «миу», а в Японии как «ня».

Довольство кошки выражают мурлыканьем. С контролируемой территории кот решительно изгоняет пришельцев.

«Духовный мир кошки утончён и дик, он не раскрывается перед людьми» — из книги Конрада Лоренца «Человек находит друга».

У Киплинга в книге «Кошка, которая гуляла сама по себе», она заявляет: «Я кошка, брожу, где вздумается, и гуляю сама по себе».

В славянской мифологии кошка — любимый персонаж народных сказок (Кот Баюн), пословиц и суеверий. При новоселье первой в дом пускали кошку, обеспе-

чивая тем самым благополучную и счастливую жизнь в новом доме. Кровать старались ставить туда, где впервые легла кошка.

Она была символом мира и благополучия в доме, защиты от нечистой силы. Служила ценным подарком, гарантируя защиту урожая от грызунов. Считалось, что они могут проникать в потусторонний мир и общаться с духами.

Пётр Великий издал Указ, согласно которому в каждом хозяйстве следовало «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрашения».

Самого Петра часто сатирически изображали в виде кота, о чём свидетельствуют многочисленные лубочные картинки с надписями: «Кот казанский, ум астраханский, разум сибирский».

Персидский историк Ат-Табари записал легенду, согласно которой, Творец, создавая Вселенную, создал крыс, но забыл создать кошек. Ему пришлось исправить это, когда во время Всемирного потопа крысы начали прогрызать отверстие в днище Ноева ковчега. Ной погладил спину льва, лев чихнул, и пара кошек выскочила из ноздрей.

Существует персидская пословица, которая гласит: «Лев чихнул, и появилась кошка».

Всемирную историческую известность получила любимая белоснежная кошка кардинала Ришелье — Мириам.

Прославился неизменный спутник чемпиона мира по шахматам Александра Алёхина сиамский кот Чесс.

Награждён медалью Королевского флота Великобритании «матрос Саймон», ветеран Британского флота

чёрно-белый «непотопляемый Сэм», переживший гибель трёх военных кораблей.

Бруклинская кошка Скарлетт прославилась самоотверженностью при спасении своих котят из горящего гаража, в честь которой присуждается Премия за героизм животных имени Скарлетт.

Кошки, обладая сильным материнским чувством, часто вскармливают своим молоком различных млекопитающих, отвергнутых собственными матерями или погибших.

Когда мы приходили навестить старшую дочь, то внучка Катюша обычно играла нам на пианино какую-либо новую вещь, которую изучали в музыкальной школе, а кот забирался на колени жены и проверял её терпение, начиная выпускать свои когти и через одежду всаживая их в колени. Свой опус он заканчивал после окрика: «Ну-ка, прекрати!» И так несколько раз, пока его не сбросят на пол.

На меня он вообще ни разу не взглянул, сразу почувствовав, что кошек я не люблю, причём, с самого детства. Мне как-то совсем маленьким случилось улечься на подушку, попав головой в кошачье дерьмо, которое кошка оставила там от несварения желудка. С тех пор безразличное отношение к кошкам у меня осталось на всю жизнь.

Однажды Светлана с Катей поехали в отпуск в Париж, для совершенствования произношения у Кати французского языка. Что, забегая вперёд, ей блестяще удалось настолько, что её принимали за француженку, именно благодаря, парижскому произношению, а маму

за англичанку, которая говорила по-французски с английским акцентом.

Кота на лето было решено перевезти на дачу. Я привёз его на машине в большой, роскошной клетке, предназначенной для этого, и выпустил его не в доме, а на улице возле крыльца.

Надо было видеть весь ужас его состояния! Кот за все свои 8 лет жизни ни разу не видел бескрайнего неба и у него отнялись ноги. Он прополз на животе около метра и замер. Поняв, в чём дело, я занёс его в дом и начал расставлять его хозяйство: корзину с подушкой, где он спал; чашки с питьём и едой; лоток с наполнителем для отправления естественных надобностей.

Стресс у Томаса, очевидно, возник не только от перемены обстановки, но и от усталости при переезде, который он тоже испытывал впервые.

Немного придя в себя, Томас стал осматриваться, всё ему, мягко говоря, не нравилось, и он сильно нервничал. На этой почве у нас возник конфликт в духе Гамлетовской трагедии: «Быть, или не быть?» Коту не понравилось, как я разровнял наполнитель в лотке и стал его разбрасывать своими мощными лапами по всему окоему. Я на него прикрикнул, тогда он немедленно «наложил» в мои галоши, в которых я гулял по участку. Увидев такое, моё возмущение достигло предела, и с криком, ах, ты, скотина, я бросился за ним, чтобы носом ткнуть его в собственное творение. Томас по лестнице заскочил на мансарду и там начал лихорадочно ссать на диван, с ожесточением, выдавливая из себя как можно больше, пока я приближусь. Мне попал под руку новый че-

ренок для колуна, которым я намеревался разmozжить ему голову. Кот понял это, весь сжался в комок и издал дикий, утробный вой. На меня это подействовало отрезвляюще. Я сказал ему, чёрт с тобой, живи, но только больше не пакости. Мне даже показалось, что взглянув на меня, он дословно всё понял, и сразу сделал вывод, что хозяином ему здесь быть не удастся — себе дороже. И стоит ли напрягаться, поддерживая свой статус, когда за тебя кто-то думает и всё решает. Конфликт был исчерпан навсегда.

На смену ему пришло присущее этой породе любопытство. Он уселся у выхода из сеней, который был закрыт прозрачной сеткой от мух и комаров, с магнитиками, которые автоматически закрывали её.

За сеткой открывался совершенно новый, незнакомый Томасу мир. Там был декоративный пруд с карасями, беседка, колодец, большой газон, теплица, много цветов и вообще полно совершенно незнакомых вещей. Там пролетали трясогузки и скворцы, садились и ходили по газону, что-то там склёвывая, гудели шмели и летали бабочки. От всего этого можно было сойти с ума, но время шло и дальше ничего не происходило. Он придвинулся к самой сетке, и я ему показал, что он сам может её раскрывать, и входить и выходить из дома. Наконец, через час он решился выйти наружу и моментально запрыгнул в густой куст цветущей айвы. Устроив там наблюдательный пункт, он продолжил изучение окружающего пространства. В конуре у крыльца находился Дружок, но он совершенно не интересовал Томаса, так как он изучил его из сеней. Он ожидал каких-то

катаклизмов, вроде падения на землю небес, но опять ничего не происходило. И тогда он решился на дальнейшие действия. Молниеносно в несколько прыжков он одолел 15 метров газона и очутился у сетки Рабица, которая огораживала участок. Там он спрятался в кустах черноплодной рябины и продолжал свои наблюдения. Я убедился, что он благополучно осваивается и ушел готовить обед. Часа через два я пошел взглянуть, где Томас и понял, что он по периметру обошел участок и уже совершенно свыкся с окружающей обстановкой. Двери в дом круглосуточно не закрывались, благодаря сторожевой службе Дружка, и кот в любой момент мог пойти на охоту или сбегать в дом и убедиться, что в чашке есть еда. Пользоваться лотком для туалета он не стал и решил, что лучше всего это делать на природе, но скрытно где-то в кустах, так как я ни разу не видел его экскриментов.

Метрах в 60, на другой улице у Юрия Крайнова жил, наверное, сибирский, большой кот, который вычислил, что по соседству появился соперник. Появление другого кота — это было нарушением всех норм и правил, и когда стемнело, он пришел бить нарушителя конвенции. Надо сказать, что кот этот был полным хозяином всего садового товарищества. Даже большие собаки обходили его далеко стороной, несмотря на то, что он, провоцируя, садился точно на их пути.

Я лежал в постели и смотрел телевизор, когда началась кошачья баталия. Это было что-то ужасное, они начали драться на поленнице дров, сложенных у глухой северной стены дома. Было впечатление, что они берут

друг друга за грудки и колотят головой о стену. Дом весь сотрясаясь, а ведь стены были выложены из сплошного соснового бруса 150х150мм. Я знал, что вмешиваться нельзя. В мире животных, где закон естественного отбора наиглавнейший, всё идёт по своим правилам. Сильнейший должен победить. Изредка раздавались вопли крайновского кота, а Томас не тратя сил на воинственные крики, молча отстаивал свою независимость. Я не думал, что у «диванного-домашнего» Томаса, выросшего в неге и уюте есть шансы на успех, хотя предполагал, что длиннее и мощнее его когтей, вряд ли найдётся оружие.

Наверное, всё решит сила духа. Битва продолжалась около двух часов, пока, наконец, всё стихло.

Утром я увидел, что вся тропинка к туалету вдоль задней стены дома усеена сплошным слоем шерсти разных цветов.

На другую ночь Томас решил реваншироваться и пошел бить крайновского кота. Очевидно, история битвы повторилась, и утром Юра Крайнов пришел ко мне и принёс разгрызанный противоблошиный ошейник Томаса.

— Слушай, сказал он, а ведь твой кот побил моего кота и теперь он боится выходить на улицу. Мы, удивляясь, обговорили эту ситуацию, как же мог «кабинетный» кот побить закалённого в многочисленных битвах уличного кота? С этого момента хозяином садового товарищества стал Томас. Я стал его уважать, и уважение ещё более выросло, когда Томас стал ловить мышей и приносить их домой. Это было против всех законов природы, как

к коту мог вернуться природный инстинкт, когда он от рождения не видел живой мыши?

Сам он мышей не ел и скармливал их Дружку. Он приносил мышь и внимательно смотрел, как Дружок глотает их, почти не разжевывая. После этого зрелища Томас весь брезгливо передёргивался и уходил прочь. Один раз он так перекормил ими Дружка, что того стошнило. Мне пришлось наблюдать, как ловко Томас их ловит. Мы с Томасом сидели на крыльце у бани, и я почувствовал, как он весь напрягся и, проследив за его взглядом, увидел, что на цветочной клумбе в 3-х метрах от нас шевелится земля. Кот одним прыжком и одним движением лап, вырвал из земли огромного крота. Я стал его усиленно хвалить, так как ни одна тварь не приносила столько урона, как кроты, и, никакие ловушки и отпугиватели на них не действовали. Кот, чувствуя, как вырос его авторитет, начал обращаться со мною несколько фамильярно. Например, мог, выпустив огромные когти прихватить меня за штанину и головой показать на чашку, которая была пуста. Да, извинялся я, прости, недосмотрел.

Томас уже настолько стал мне доверять, что позволил мне привести в порядок его роскошную шубу, выбирать из неё репей и выстричь все колтуны, а так же ежедневно его расчёсывать, что он не очень охотно позволял делать Светлане и Кате.

Однажды, выйдя во двор, я услышал необычайно громкое шипение. Дом стоял на бетонных подушках, и я специально не обшивал пространство от земли до опорных брусьев, чтобы подвал продувался, и в доме

всегда было сухо. Под домом жил большой (более метра) уж, и я его не тревожил, зная, что там, где живёт уж, там не появятся гадюки, да и лягушки меньше квакают. Так вот, уж, свернувшись кольцом, шипел на Томаса, а Томас взаимно на него. Я прикрикнул на Томаса, чтобы он не трогал ужа, и он понял, что это наш уж.

Томас облюбовал себе наблюдательный пункт на второй сверху ступеньке лестницы на мансарду, откуда был хороший обзор части двора и дома и там он обычно спал и дремал, изредка днём слезая, чтобы проверить чашки. А в ночь он уходил на охоту. Как-то ранним утром на заре я пришел с удочками на противопожарный пруд, находившийся в противоположном углу нашего товарищества. Там иногда хорошо клевали на хлеб караси и всегда ротаны на червей. На противоположном, более крутом берегу сидел Томас и внимательно разглядывал гладь пруда, где появлялись круги от играющей рыбы.

Я позвал его: «Томас!» — но он, взглянув на меня, тут же отвернулся, делая вид, что мы не знакомы. — На охоте не мешай.

Вернувшись из отпуска, за Томасом приехали Светлана с Катюшей, но он уделил им всего по несколько секунд, дав им понять, что вообще-то он их знает, но у него свои дела.

Обе они были обижены и разочарованы таким невниманием.

— А что вы хотите, сказал я им. Вы все 8 лет держали его в неволе, а здесь он хозяин садового товарищества «Новый Свет» и царь природы. Он упивается своей свободой, охотится, сколько хочет, гуляет, где хочет, насла-

ждается природой, красотой и буйством запахов. Он здесь абсолютно счастлив.

Услышав эту тираду, они не стали забирать Томаса, понаблюдав за его жизнью.

Но счастье не бывает вечным. Однажды Томас утром не вернулся домой. Я сразу понял, что случилось что-то непоправимое. Полдня искали его и, наконец, нашли у соседа возле кучи мусора уже окоченевшим. Я стал разглядывать его и обнаружил на его носу следы двух укусов гадюки. Сосед, Володя Изюмов, строился и никак не мог построиться более десятка лет, и по всему участку у него были кучи строительного мусора, которые облюбовали гадюки.

Схоронил я его в коробке из-под обуви в полной печали ещё и от того, что Катя никогда не поверит, что мы с ним жили уже дружно и даже любили друг друга...

АРЕСТ

После окончания горного техникума в городе Алапаевске, я как отличник, имел право выбора места работы, но не воспользовался этим и остался в Алапаевске, поступив в геологическую партию, которая проводила поиски и детальную разведку месторождений бурого железняка для местного металлургического завода. Я считал себя обязанным, помочь другу Виктору Чумакову материально, т. е. подкормить его после санатория, в котором он лечился от туберкулёза. Болезнь эту он прихватил после 3-го курса на практике в Приполярном Урале от сильной простуды. Я тогда спал у костра на предварительно прогретой земле закрытой лапником, а он в летней палатке в тонком спальном мешке.

Стипендия в техникуме, благодаря Хрущёву, была маленькой¹, мать, работая в колхозе на Вологодчине, денег не зарабатывала, а отец погиб на войне. Что бы рецидив туберкулёза не проявился, Виктору нужно было усиленное питание на последнем курсе.

Мы сняли комнату в частном доме у семьи потомственных металлургов Кропачевых, где дед и отец всю жизнь проработали на домне горновыми, а сын работал старшим канавным в мартеновском цехе.

¹ См. книгу «Дети войны»

Накануне праздника годовщины Октября, а праздник этот в годы Советской власти считался самым главным, я пораньше, по просьбе начальника, пришел в контору партии. Настроение у народа было явно не рабочее и начальник партии почти всех, находящихся в конторе распустил, а мне дал задание написать к этой годовщине лозунг.

— А какой?

— Какой хочешь.

Он предоставил мне несколько пузырьков красных и фиолетовых чернил, плакатные перья и два рулона обоев полуметровой ширины, чтобы на их обратной стороне я начертал нечто бессмертное, указывая нашу одобрительную причастность к этому событию. Я, не долго думая, тут же начал писать более краткое, но хрестоматийное: «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция!»

Весь плакат, как и задумано, у меня уместился на шестиметровой, предварительно сколоченной рамке из досок и я отдал его рабочим для размещения над входом в контору, защищённую от дождя и снега напуском крыши.

К обеду подошел Виктор Чумаков, как и договаривались с бутылкой коньяка, булкой серого хлеба и большим кругом докторской колбасы.

В честь наступающего праздника и начинающихся позывов голода мы «уговорили» это приношение, и, как всегда, львиную долю я заставил съесть Виктора, угрожая, что иначе будет хуже, правда, спиртного ему доставалось меньше. Слава, Богу, мальчик был послуш-

ный и к концу года уже напоминал круглого хомячка с розовыми щёчками, что меня радовало и, уходя в Армию, я был спокоен за его здоровье.

Проводив Виктора, я занимался ещё какой-то рутиной, которая меня утомила, и разомлев от выпитого, разложил в углу за столом обрывки обоев, улёгся на них и ушел в царство Морфея.

Громкий и дружный смех разбудил меня. Во-первых, меня смутила крошечная темнота, но прислушавшись, я понял, что смеются наши девчата, три практикантки из Московского геологического института и две наших девушки из камеральной лаборатории. Они пришли в комнату, когда уже стемнелось, и не заметив меня, возможно, уже «причастившись» по поводу праздника, расселись на дальних столах и начали травить анекдоты.

Одна из москвичек продолжала: «Поп на время се-нокоса нанял себе работника, статного, красивого и, как подсмотрела попадья, обладающего большим мужским достоинством. Так и загорелась вся в задумках, как бы увлечь его. Вот поп с работником ушли на покос, а попадья принесла обед и села напротив них, задрав длинную юбку так, чтобы хорошо была видна её слегка опушенная вагина. Поп, похлёбывая борщ, пошучивал:

— Мышка заскочит, матушка.

— Да не заскочит, батюшка.

И так несколько раз. Наконец матушка упала и закричала:

— Ой, мышь! Ой, мышь!

— Что же делать, матушка? — Забеспокоился, вскочив поп.

— Да давить надо, батюшка!

— Да не могу я, матушка!

— Зови работника, батюшка.

Того долго не надо было упрашивать и он начал «давить».

А поп бегаёт вокруг и спрашивает:

— Ну как дела, матушка?

— Да не пойму, батюшка: то ли мышь пищит, то ли п...а трещит!»

Тут я вместе со всеми расхохотался. Девчонки испугались: «Ой, кто это? Кто это?» Включили свет, и, узнав меня, ещё больше смутились. Стали меня уговаривать, чтобы я ничего никому не рассказывал. Я им признался, что слышал только последний анекдот, когда они разбудили меня своим смехом. Потом мы вместе выпили какого-то креплёного вина припасённого ими на праздник, поздравили друг друга и разошлись по домам. Девчата ещё раз взяли с меня клятву ничего не говорить об этом, и я лет 30 честно держал данное им слово.

После праздников начальник партии объявил, что партию переводят в Синячихинский район, где, кстати, расположен музей русского деревянного зодчества под открытым небом. Нужно готовиться к перебазированию. Но военкомат, сколько я не убеждал, с учёта меня не снимал, ссылаясь на строгое указание Облвоенкомата в связи с усложнившейся международной обстановкой призывников с учёта не снимать. Китай вознамерился вернуть себе остров Формозу (нынешний Тайвань), а США пригнали туда весь свой тихоокеанский флот, препятствуя этому. Всем им было плевать на мою судьбу.

Пока думали что делать, младший Кропачев предложил, а, давай, Юра, поступай в мартеновский цех, ты парень крепкий, освоишься. У нас после праздников уволили трёх канавных. С похмелья тяжелую работу, да ещё в адской жаре, не выполнишь. Я прошел медкомиссию и был принят младшим канавным в мартеновский цех. Поначалу было совсем плохо, но я постепенно втянулся.¹

Алапаевский металлургический завод был построен в 1704 году по Указу Петра I с прудом на речке Алапахе, впадающей в Нейву.

Пруд был длиной около 5 км и шириной 500 метров. Водяные машины приводили в движение прокатные станы и молоты дляковки железа. В войну он давал в основном легированную сталь для танковой брони. Во время, когда я поступил туда на работу, на заводе работала одна домна, три мартеновских печи ёмкостью по 100 тонн металла и ещё три основных цеха — прокатный, литейный и метизный, в котором из оцинкованного кровельного железа делали вёдра, тазы, ванны и прочий ширпотреб. Домны работали, используя бурый железняк с близлежащих месторождений, а кокс везли с Кузбасса и Украины. Вода пруда уже использовалась как техническая, для охлаждения. Работа была посменная, платили хорошо и мы с Виктором позволяли себе обедать и ужинать в лучшем ресторане города. Свободного времени тоже было достаточно, и чтоб его заполнить я поступил в 10-й класс вечерней «Школы рабочей

¹ См. книгу «Дети войны».

молодёжи» для повторения всей школьной программы и дальнейшего поступления в институт.

Хрущёв, мало доверяя НКВД преобразовал его в МВД, а с октября 1954 года с целью увеличения влияния на личный состав МВД комсомольцами создали из них БСМ (Бригады содействия милиции), конечно, они оказывали не только влияние, но и значительную помощь в поисках и задержании преступников. После Бериевской амнистии вместе с политическими были отпущены на волю почти все уголовники. Преступность сразу выросла вдвое, поэтому были созданы патрульные службы в вечернее и ночное время. Эти меры позволили снизить преступность на 20% и позднее БСМ заменили на ДНД (добровольные народные дружины), правда, с меньшими правами и без удостоверений и ходили они без патрульных милиционеров. Я поступил в БСМ только потому, что хотел заниматься боевым самбо, которое культивировалось только в обществе «Динамо» и потому, что им владел мой отец, направленный партией в НКВД перед войной. Свою первую медаль «За отвагу» он получил благодаря самбо. Он ходил вместе с группой разведчиков «за языком» и взял в землянке офицера, который набросился на него сзади. Я также ходил на дежурство, но в задержании преступников мне принимать участие не приходилось. Зато доставалось таскать на себе пьяных и разнимать пьяные драки. Применить приём, изучаемый на тренировках, пришлось лишь однажды, выбив нож у одного их дерущихся. Ходить с патрулём приходилось раз в неделю и мне это не нравилось. Почти у всех ментов были са-

дистские наклонности, удовлетворяющих их на беззащитных и пьяных. Однажды мне пришлось подраться с постовым, который принялся пинать под рёбра лежащему на земле пьяному мужику. За это меня в компании ментов не очень уважали, но сдерживаться при мне им явно приходилось.

Однажды мы с Виктором пошли на танцы в городской Дворец культуры. Там я встретил Валю, которая работала в нашей смене на мостовом кране. Это была приятная, простая, коммуникабельная и симпатичная девушка. Она тоже училась в ШРБ, только в 9-м классе. Мы всегда с удовольствием общались, но я знал, что за ней ухаживает блатной авторитет, очень неприятный парень с золотой фиксой. Кепка его чудом держалась на левом ухе, из-под неё выбивался чёрный кудрявый чуб. Он носил вельветовую куртку, на воротнике которой лежал отложной воротник белой рубашки и широкие клёши, полностью закрывающие ботинки. Если он видел, что кто-то обращает на него внимание, разглядывая его, он с независимым видом струей, сквозь щель передних зубов далеко и красиво сплёвывал, явно давая понять, что он на вас плюёт.

На танцах Валя была одна, я танцевал с нею весь вечер и предложил проводить её до дома. Она жила на противоположной от города стороне пруда в рабочем посёлке Заречье. Она была согласна, но предупредила, что зареченские ребята чужих не жалуют. Ну, если это будут твои хорошие знакомые, то я оставлю им тебя и убегу. На этом, посмеявшись, и решили. Вышли из клуба втроём и не успели пройти ста метров, на нас

внезапно налетели двое мелких пацанов, отвесили нам с Виктором по 2—3 несильных пощёчины и также внезапно исчезли. Бежать за ними было бессмысленно. Это из-за меня, сказала Валя. Мы знали этих ребят, они были хоть и хулиганистые, но безобидные, ходившие в шестёрках у Николая — ухажера Вали. Вечер начинает становиться всё интереснее, пошутил я. Виктор пошел домой, а я отправился провожать Валью. Фонарей на улицах было мало, зато пешеходный мост через пруд был ярко освещён. Ширина его была два с половиной метра, настил сделан из толстых плах, а ограда и тумбы фонарей по обеим сторонам были очень красивые из чугунного литья местного завода. У ворот её дома мы попрощались простым рукопожатием, поцеловать её, хотя бы в щёку, я не решился. Много раз я влюблялся в девчонок, не показывая этого, и до романов ещё не созрел, будучи сильно стеснительным.

Была уже поздняя осень, с пруда тянуло промозглой сыростью и я, подняв воротник, своего длинного (по моде) пальто, натянул на глаза свою шикарную велюровую шляпу, (купленную по случаю в свердловской комиссионке) и, засунув поглубже руки в карманы, зашагал домой.

Когда я зашел на мост, то услышал какой-то шорох и оглянулся. Из под моста, с обеих сторон на него вышли два мужика, и пошли за мной. Я, конечно, удивился, но не ускорил шаг, чтобы дать понять, что я не испугался и, думал, когда они будут сокращать дистанцию, то спокойно убегу от них. Я был уверен в себе, имея II разряд по бегу на 400м.

Не дойдя 50 метров до конца моста из под него с обеих сторон навстречу мне вышли ещё два мужика. Фонари в конце моста не горели, и только подойдя вплотную, я увидел, что они держат в руках наганы, направленные на меня, и я остановился. Бежать было бессмысленно, от пули не убежишь. В тот же момент сзади под лопатки упёрлись наганы тех, кто шел за мной. То, что это были наганы, было сразу понятно, так как на конце дула у них довольно высоко выступает острая прицельная мушка, которая ощутимо сдирает кожу под лопаткой.

— Руки в гору и не дёргайся, сказали мне и стали обыскивать. Нашли только во внутреннем кармане пиджака портмоне с деньгами и передали, очевидно, старшему. Тот, раскрыв его, увидел, что документов нет, положил себе в карман.

— Руки назад, последовала следующая команда, и мне, защелкнув на них наручники, и заломив руки вверх, повели с моста под арку, над которой были проложены железнодорожные рельсы, чтобы отвозить с завода на свалку горячий шлак из мартеновского цеха.

Слева, за насыпью стоял милицейский ГАЗ-69, и меня стали в него загружать.

— Попался, падла, сказал один из них, и, не удержавшись, ударил меня кулаком в солнечное сплетение. Я был готов к этому и предельно напряг пресс, но притворно охнув, присел.

— Хватит, сказал старший, поехали.

То, что это милиция, я сразу понял по вооружению и технике. Барабанные, самовзводные, семизарядные наганы и ГАЗ-69 ещё долго стояли на вооружении ми-

лиции и ещё постовым выдавались сабли в ножнах, именуемые в простонародье «селёдками». Впрочем, они и сейчас находятся на вооружении, но уже как атрибут парадов.

Я молчал, зная, что в этой ситуации лучше не противоречить, иначе будут бить, хотя мог бы обратиться, в крайнем случае, к одному из оперативников, которого встречал на занятиях по самбо. Мы с ним в спарринге не работали, да и шляпа скрывала моё лицо. Мысли продолжали лихорадочно работать, за что могли меня арестовать? Политически я был абсолютно благонадежен, наивно думая, что всё ещё строю коммунизм. Криминала я боялся, как огня. Из-за драки с ментом на патрулировании тоже, вроде, не должны, ведь мы были из одной стаи. Правда, может быть, имея гнусный характер, он меня как-то подставил? Но зачем для этого устраивать засаду посреди ночи, когда меня можно было взять спокойно в любом месте и в любое удобное время. Меня ещё смущало то, что все они как-то довольно сопели, вроде того, как легко провели они эту операцию.

Конечно, реакция на арест была не та, которую описывает А. Солженицын в своей эпопее «Архипелаг ГУЛАГ» — «Арест!!! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни? Что это прямой удар молнии в вас? Что это невмещаемое духовное сотрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?»

И время было уже не то, без Сталина и Бери, но страх перед органами у народа ещё оставался.

Меня привезли в милицию и завели в кабинет начальника. За столом сидел дядя Ваня, живший по со-

седству с Кропачевыми, и мы, здороваясь с ним, как и младший Кропачев, называли его дядя Ваня.

— Юра, спросил он, обратившись ко мне, ты, что здесь делаешь? Я молча пожал плечами. Тогда он закричал на сопровождающих: «Вы, что совсем безмозглые!?» С меня сняли наручники, вернули портмоне и дядя Ваня спросил:

— Юра, тебе не досталось?

— Всё нормально, дядя Ваня.

— Ну, беги скорей домой.

Проходя мимо опера, который меня ударил я слегка, но точно ткнул в болевую точку в его солнечном сплетении и опер согнулся дугой. Кто-то из оперов хохотнул, а дядя Ваня внимательно посмотрел на меня. Он знал, что я занимаясь самбо хорошо знал расположение болевых точек. У него во дворе, под навесом лежали старые маты, на которых мы отрабатывали кульбиты.

Страх и напряжение спали, вернулось весёлое настроение и дома я, разбудив Виктора, рассказал о своих приключениях. Через день, встретившись с дядей Ваней, он сказал мне, что из-за меня упустили преступника, имевшего такие же габариты и одеяние, как и у меня. Я выразил сожаление, но через неделю дядя Ваня успокоил меня, что бывшего во всесоюзном розыске человека взяли в Свердловске и он подозревается не только в убийстве, но и ещё во многих нехороших делах...

ВАСИЛИЙ

О нем мне рассказывал мой дед по матери, тоже Василий. В их волостном селе Черемисское на Большом низу жили крепким хозяйством, имея происхождение от казаков, муж с женой. Они долго были бездетными и уже в солидном возрасте, сходяв на Богомолье к святому праху Симеона Праведного в Верхотурье, зачали сына. Это для них была большая радость, а сынок особенно радовал тем, что рос крепким, красивым, здоровым, умным, общительным и послушным.

К 17 годам уже не было ни в селе, ни во всей округе мужика, равного ему по силам. Он удивлял тем, что гнул руками пятаки и разгибал подковы, а с годами его мощь только возрастала.

Обычно на масленицу вместе с большими гуляниями мужики устраивали кулачные бои: улица на улицу, край на край. Вася так же с раннего возраста принимал в них участие, правда, каждый год, по договорённости, он выступал за разные команды, потому, что всегда выигрывали те, за кого сражался он.

Вот как писал о кулачных боях в своём сказе «Широкое плечо»¹ Павел Бажов: «По всем концам этим теши-

¹ Скорей всего прототипом героя был Василий. Из наших Колташей Бажов взял Дмитрия Зверева на роль Данилы-мастера. Да и герои его «Серебряного копытца» были из наших мест.

лись, и так подгоняли, чтоб остальным поглядеть было можно. Сегодня, скажем, в одном конце бьются, завтра в другом, послезавтра в третьем. Иные теперь это за старую дурость считают, — от малого, дескать, понятия да скуки колотили друг дружку. Может, оно и так, да ведь не осудишь человека, что он неграмотным родился, и никто ему грамоту не показал. Забавлялись, как умели.

И то сказать это не драка была, а бой по правилам. К нему спозаранок подготовку делали».

С каждой стороны назначался атаман, он подсказывал, как держать линию или как вывести из строя особо сильного противника и т. д. Победа доставалась тем, кто отгонял противника до определённой линии. По договорённости, если силы были равны, сходились, бывало, до трёх раз.

По договору же мог быть обусловлен поединок между двумя бойцами.

Бои, обычно, происходили под приглядом станового и инвалидных команд, чтобы бои сгоряча не переходили в смертоубийство с использованием кольев.

Эти бои приветствовались и государями для поддержания у народа боевого духа.

Императрица Екатерина II даже регламентировала эти бои своим Указом от 1726 года. Этот Указ так и назывался: «О кулачных боях». В нём, в частности, было указано чтобы:

- со спины не атаковать;
- лежачего не бить;
- драться только руками, ноги применять лишь для подножек и подсечек;

— в лицо, а также ниже пояса не бить...»

А вот Николай I посчитал это варварством и своим Указом от 1832 года запретил их. Впрочем, бои эти успешно продолжались повсеместно вплоть до революции 1917 года. Местные власти смотрели на эту потеху сквозь пальцы и привлекали к ответу, только за убийство или тяжелое увечье.

Василию нравилась эта потеха, он беспрекословно выполнял все указания атамана, где нужно выправить линию и т.д. Бил только в плечо или в грудь, думая, как бы не покалечить соперника, хотя тот от его толчков летел, кувыркаясь несколько метров.

Всё свободное время он проводил с ватагой сверстников и с удовольствием принимал участие во всех потешных играх.

Обычно ребята поддразнивали Василия, рассказывая о нём всякие небылицы, но вывести его из себя было трудно. Богатырь был необидчив и великодушен и похаживал вместе со всеми. Лишь изредка, если уж очень обидно начинали врать про него, он вскакивал и сбивал шапки, у не успевших увернуться друзей.

Собирались обычно на улице Верховской у зерновых амбаров богатого крестьянина Ивана Копалова¹, где вдоль амбаров были лавки из толстых сосновых тесин. Василий собирал сбитые шапки, поднимал угол амбара с каменного фундамента и клал шапки под него и шел домой. Поднять этот угол даже всей ватагой было не-

¹ Из книги В. М. Бесовой «Мы живём в глубине России».

мыслимо, и друзья брали водку и шли к нему на поклон. Если и выпивал Василий, то немного, во всяком случае, не то что пьяным, а и выпившим его никто не видел. Может от того, что обычная человеческая норма была ему, как слону дробина.

Василий шел обратно, казалось, без усилия поднимал угол амбара и великодушно говорил: «А, ну, разбейрай свои шапки». Такое случалось не раз.

Мать с отцом уговаривали его жениться, им хотелось нянчить внуков, но он только отмахивался: — «Куда спешить, погулять ишшо надо, да и не нашел я ещё той девушки, чтобы на сердце легла. Девушки были от него без ума. Стайкой ходили за ним, показывая свою неотразимость в песнях и плясках. К ним он относился уважительно, не озорничал, но и не оказывал, ни одной из них особого внимания.

Однажды, в Пасху на площади возле храма Богоявления после праздничной службы народ общался, христосовался и звал друг друга в гости. Многие «причистились» ещё до службы и были навеселе.

Пасха в тот год была ранней — где-то в начале апреля и день был хоть и солнечный, но ветреный и холодный.

С одного конца площади с группой мужиков шел Ивашка рябой¹, обычно ищущий не столько место, где можно заработать, сколько то, где можно на халяву выпить. Вот он и говорит мужикам: «Хотите, я сейчас Василия отлуплю, а вы за это поставите мне четверть водки, а если не удастся, то четверть ставлю я. Мужики-

¹ См. книгу «Эпоха перемен».

ки посмеялись над ним, но всё же хлопнули по рукам, ожидая потехи. Навстречу им с ребятами шел Василий, держа руки в карманах нагольного полушубка. Ивашка подбежал к Василию и, подпрыгнув, залепил ему пощёчину.

— Ты, что, сдурел? — Спросил его Василий? Но Ивашка молча, подпрыгивая, (иначе он не доставал до лица), продолжал отвешивать Василию пощёчины с обеих сторон. Наконец, Василий обозлился и сжал со злости кулаки, но никак не мог вынуть их из карманов. Но вот с глухим рычанием Василий вырвал кулаки из полушубка вместе с карманами и бросился за Ивашкой. Но тот ужом скользнув между мужиками, исчез.

К вечеру, с четвертью водки он пришел к Василию и не решаясь заходить топтался у ворот. Тот, заметив, Ивашку с улыбкой сказал: «Ну, заходи, болезный, рассказывай, какая муха тебя укусила?»

— Ты уж прости меня, Василий Егорович. Поспорил с мужиками, что за четверть водки отлуплю тебя, вот и пришел с мировой, а тебе четверть водки принёс.

— Ну, заходи, раз такое дело. Посидели, посмеялись, выпили. Василий, смеясь, сказал: «Ну, теперь можешь всем рассказывать, что безнаказанно побил меня, только сначала к полушубку карманы пришей». Так счастливый Ивашка пошел от Василия к скорняку с полушубком под мышкой.

Вскоре началась I-я мировая война и Василия в первые же дни призвали на службу. В казачьем полку за сметливость и храбрость дослужился до подхорунжего, но поскольку ничего не боялся и пулям не кла-

нялся, к концу первого года службы поймал, где-то под Галицией австрийскую пулю в сердце.

Родители, получив телеграмму о героической смерти сына, в одну ночь посидели и вскоре один за другим ушли в мир иной, торопясь на встречу с сыночком...

ЛЕШИЙ

Когда я вернулся из заграничной командировки с Кубы меня, не дав отдохнуть, сразу «впрягли» в работу в Управление ОАО Мосэнерго. На Кубе я тоже без отпуска работал более двух лет. И вот после четырёх лет непрерывной работы я, наконец, пошел в отпуск. Перед Кубой я тоже не использовал отпуск. Просить о компенсации мне и в голову не пришло. Как же, ведь я был за границей! Этим считалось, что Мосэнерго осчастливили меня на всю жизнь. А то, что мне пришлось «пахать по-чёрному», никому и в голову не приходило. Почти через день я мотался в командировки по всем 22 электростанциям Кубы, включая и 2 миниГЭС. Когда я пересмотрел в дневнике выполненные работы, выходящие за рамки моего контракта, то преисполнился гордостью. Один их перечень занял бы несколько страниц печатного текста. Я дал оценку своей работы как блестящее выполнение интернационального долга. Но у нашего руководства было прямо противоположное мнение. Мой куратор из ГКЭС Л. Т. Батуров мне прямо заявил, что я своей гиперактивностью перекрыл дорогу на Кубу как минимум пяти специалистам. Я был обижен, но в душе торжествовал, что братская Куба за счёт меня сэкономила так много средств.

Планов особых на отпуск не строили. Сначала всей семьёй нужно было съездить на могилу матери в Заинск, где жили брат и сестра, которые хоронили мать, когда я был на Кубе. А прежде решили съездить на 10 дней на базу отдыха Каширской ГРЭС, которая располагалась на противоположном берегу Оки возле Городища, останки древнего русского селения, которое уничтожили татары почти восемь веков назад. Из Каширы мне позвонил старый приятель Серёжа Тупицын, с которым мы работали вместе на Верхне-Тагильской ГРЭС. Он-то и посоветовал приехать к ним на базу отдыха и заняться заготовкой грибов, на которые в тот год был большой урожай. База отдыха была в лесу и состояла из полутора десятков спаренных вагончиков-бытовок. Там была подведена холодная вода и газ. Готовила каждая семья себе сама. Мы привезли с собой десяток 3-литровых банок и в первые же четыре дня заполнили их маринованными грибами. Грибов, особенно лисичек, было много. Их на одной поляне, не вставая с колен, можно было за час нарезать целое ведро. Погода стояла тихая, солнечная и тёплая. Мы вставали в 7 утра и заходили с Машей к Володе Батракову в соседний вагончик. Он работал на ТЭЦ-23 зам. начальника ЦТАИ и как бывшего футболиста его приглашали судить в качестве главного судьи женские команды и команды класса «Б». Команды класс «А» он судил в качестве бокового арбитра. В наше время это «Премьер лига» и «ФНЛ». Ему надо было держать форму, поэтому он по утрам пробегал с нами около 5 километров. Перед началом футбольного сезона все арбитры на сборах сдавали тест по бегу на 3 км. Нужно было пробежать из 12 минут.

Через неделю с утра небо затянуло тучами, и я пошел в лес один с целью поискать место, где растут белые грибы. Там, где мы обычно ходили белые грибы попадались редко. Я сказал, что пойду далеко. Все равно к обеду не опаздывай, ответила жена. Через час я нашел место, где довольно часто попадались белые грибы и подосиновики и вскоре набрал их полную корзину и решил возвращаться домой. Я повернул назад от низины — сухого кочкастого болота и пошел, как мне казалось, в сторону дома. Однако минут через 40 я вышел снова на это же место, откуда повернул домой. Это меня сильно удивило и раздосадовало. Солнца не было и в лиственном лесу определить север и юг довольно сложно. Я решил, что просто пойду по прямой, поскольку лес невелик и я мог выйти на базу или Городище или на шоссе вдоль Оки — «Ступино—Озёры» или, наконец, наткнуться на грунтовую дорогу, пересекающую этот лес по диагонали, а там уже по этим ориентирам повернуть домой. Однако пройти по прямой мне не удалось, и я опять примерно через 40 минут вышел на то же место. Это уже становилось смешным. Я вырос в таёжных местах северного Урала и с 9 лет уже ходил один на охоту с берданкой, подаренной мне дядей Анатолием на моё девятилетие. В пасмурный день и там иногда сбивался с дороги, но определить где север и юг в хвойном лесу можно довольно быстро, определяя север по моху, который нарастает у корней ели с северной стороны. И блудить здесь, в какой-то подмосковной роще действительно смешно.

Ходить по кругу естественно всем теплокровным. Ошибаются люди, думающие, что гончие собаки, стро-

нув зайца на лёжке, сознательно гонят его силой своих ног и злобных голосов на охотника, подрезая ему путь, обходят, не оставляя зайцу иного пути кроме как под выстрел.

Ничего подобного не происходит ни с собаками, как бы хорошо они не были выучены, ни с зайцем или другим зверем, который всё равно ушел бы от гончих собак, как бы они не старались его догнать, или направить на охотника. Всё это сказки, хотя, надо сказать, что, уйдя от собак, заяц всё равно придёт к охотнику, вернётся в бессознательном беге к тому месту, откуда строили его чутыистые выжлецы, не сколовшиеся со следа.

Так уж устроен загадочный мозг теплокровных животных, не исключая и человеческий, что в паническом бегстве, в страхе перед смертельной опасностью, когда ноги не разбирают дороги, а сердце колотится с бешеной скоростью и кровь гудит в жилах, происходит странное и вряд ли до конца постигнутое наукой явление: заяц, лиса или иное животное совершает в бессознательном бегстве роковой и часто смертельный круг. У зайца-беляка он невелик — не пройдёт и четверти часа, а он уже мелькнёт ушами в облетевших, голых кустарниках, выкатив на старую просеку, где и поджидает его опытный охотник, внимательно слушавший своих собак, которые переливистыми голосами, утихшими было на дальней точке окружности, оповестили его о приближении зайца жарким своим, накатывающимся звоном в осеннем лесу. Прوماхнётся охотник, но хорошие собаки опять погонят зайца, и опять он сделает такой же круг, и опять набежит на охотника, пока тот не угомонит его выстре-

лом, или когда собаки, сколовшись, не бросят его невре-
димого.

У русака этот круг значительно больше, и не всякая собака способна с честью выйти из поединка с резвым скакуном. Не говоря уж о лисице, которая заложит такой круг, уйдёт в тихие урёмы и лесные завалы, что для охоты на неё годится очень злобный, сильный и вязкий гончак, у которого словно бы есть свои какие-то личные счёты, с хитрыми лисами.

Но всё-таки беляки, русаки и лисы, если собаки не бросят их, — все они, будто привязанные невидимой цепью к неопределённому центру, рано или поздно вернутся в безумном своём беге к тому месту, откуда начался гибельный для них и радостный для охотника гон. В этом и смысл охоты с гончими.

Трудно, конечно вообразить себе круг, какой делают гонные лоси или олени... Но и они совершают этот круг. За весь световой день охотнику вряд ли дожидаться, когда замкнётся окружность, по которой бегут огромные звери, слыша далеко отставших, но злобных и вязких собак. Испорченные собаки эти не годятся для заячьей или лисьей охоты, потому что, даже погнав зайца, но стро-нув по пути лося, они бросят мелкого зверя и увяжут-ся за лосем, испортив всю задуманную охоту. Пробежав по огромному кругу вслед за сохатым, едва живые, го-лодные, они вернутся только в потёмках осеннего дня к взбешенному хозяину, который пнёт в сердцах зарья-лого выжлеца, когда тот виноватым взглядом попросит у него корма. Всё это я знал не только по личному опыту охоты с гончими, но и по рассказам опытных охотников.

Все мы теплокровные, возвращаемся на круги свои... Когда я в третий раз вышел на это проклятое место я уже понял, что дело здесь в «нечистом».

Не даром в народе шептались старухи о каком-нибудь глухом болоте, куда ходить опасно, потому что там, в о д и т. Попал туда человек, заблудившись в лесу, вспомнил про эти слухи о чертовом болоте, испугался и погубил себя. Куда бы ни шел он теперь, пытаясь выбраться из болота, таинственный мозг, испуганный дурной славой гиблого места, начнёт кружить его по кочкам, возвращая рано или поздно к знакомой уже по первому кругу берёзе или кривой сосёнке, а то и к пустой пачке из-под сигарет, которую недавно бросил горемыка, докурив последний табак.

Редкий человек не дрогнет, не падёт духом, редко, у кого не займётся сердце в паническом страхе, словно бы озорной леший взял его на прицел или водяной, живущий в вонючем бучале, пригрозил ему своим коварством.

Спасти человека тогда может только сильная воля, способная побороть панический ужас, которым потрясён бессильный мозг, отказавшийся понимать, что происходит с ним, и не дающий человеку точную информацию, что ему надо делать и как выбраться из страшного болота, из чёртовых этих кулижек, в которые завела его нечистая сила и принялась водить.

Поняв причину своих блужданий я сразу успокоился, зная, что нечисть верующему человеку с крестом на шее не страшна и глядя в густой осинник за болотом сказал:

— «Ты что меня водишь? Решил пошутить что ли?» В глубине осинника появился тёмный контур, похожий

на человеческую фигуру, ростом более двух метров. И я, уже обращаясь к нему, продолжал: — «А я шутить не буду, вот возьму и перекрещу тебя!» Ещё не успев сделать крестное знамение и произнести «Отче наш», как фигура в осиннике растаяла. Постояв ещё несколько минут я развернулся и пошел в обратную сторону, тот час же мне стало понятно в какой стороне база и выглянувшее из разрыва облаков солнце подтвердило, что я выбрал правильное направление.

Многие с усмешкой и недоверием относятся к рассказам наших предков о происках нечистой силы, но теперь уже и учёные признают и наличие Бога и стало быть нечистой силы, которая в естественных условиях — лесах и болотах проявляет себя в виде лешего, а в городских условиях в виде полтергейста.

Думая об этом я решил вернуться и посмотреть то место, где стоял леший. По многочисленным рассказам бабушки — когда леший терпит фиаско, то оставляет после себя большую кучу дерьма. Но потом передумал и решил пойти туда завтра, поскольку сегодня я опаздывал на обед. На вопрос супруги — почему пришел поздно? — ответил, что леший водил. Объяснение было принято вполне нормально, а о подробностях я умолчал.

Оставшиеся дни я искал это сухое болото, где встретил лешего, но так его и не нашел, значит он не только меня в о д и л, но и о т в о д и л от себя...

КОРМУШКА

Из всех населяющих нашу грешную землю тварей самыми бесполезными и наиболее вредоносными считаю политиков. Конечно же, к этому выводу пришёл не сразу, а лишь за последнее десятилетие, став пенсионером, когда появилось время для оценки их деятельности. Теперь знаю точно — раз политик — обязательно обманет — нужно с этим смириться, не гневаться, а только смеяться, как подобает русскому оптимисту, который никогда не унывает, зная, что будет ещё хуже.

А ведь, впору, прийти в ужас, поскольку ни один внешний враг не приносил нашему народу столь жестокого урона.

Н. С. Хрущёв уже в самом начале своей волюнтаристской деятельности поставил страну на грань выживания, начался голод, поскольку он уничтожил все частные подворья в городах и посёлках городского типа и весь личный скот. Вместо привычных кормовых культур насильно внедрил кукурузу, тот самый американский маис, который в России расти не хотел. Он подорвал кормовую базу, поэтому из-за бескормицы пришлось забить около 70% колхозного стада. Наконец, из-за передачи Крыма Украине мы до сих пор страдаем от санкций Запада.

Было, правда, время, которое называли «застоем» и дали народу передышку при Л. И. Брежнев, когда жизнь стабилизировалась, а главное появилась уверенность в завтрашнем дне. Я и супруга были уверены, что заработав максимальную пенсию 132 руб. мы будем жить в роскоши (по нашим, естественно меркам). Как энергетик, кстати, могу засвидетельствовать, что во время «застоя» мы построили столько новых электростанций, что их установленная мощность увеличилась почти втрое.

Но вот пришел на смену М. С. Горбачёв, казалось бы полный политический импотент, а вреда принёс больше всех: развалил СССР, допустил бои в Таллине, Нагорном Карабахе, Тбилиси. А как он поступил почти с миллионной армией, которую он вывел из ГДР, и которая оставила там благоустроенные городки со всей инфраструктурой и базы для техники. И эту армию вместе с семьями стали размещать в степи, в палатках. А ведь стоило только намекнуть, что некуда выводить войска и немцы, чтобы избавиться от русских, с удовольствием бы выстроили для них в России современные дворцы. Но Горби было наплевать на армию, народ и всю страну. Всё больше хочется верить телепередачам И. Прокопенко, что всё это Горби делал осознанно, после того как он возглавил экологическую комиссию и вместе с Раисой Максимовной постоянно ездил на Запад, а в 1984 году после встречи с М. Тэтчер супругов Горбачёвых окончательно завербовали западные спецслужбы.

Народ всегда, может быть неосознанно, находился в оппозиции к своему правительству. Как вы думаете, почему так успешно был обеспечен приход Б. Ельцина

к власти? Да только тем, что вся журналистская свора была спущена на него Горбачёвым, а потом и Хасбулатовым, которая настолько очернила его, что сделала Ельцина в глазах народа героем. И народ понял — вот он наш «отец родной», раз на него столько гадят. А Ельцин так унизил нашу национальную гордость, стоя перед американцами на коленях и его министр иностранных дел Козырев ежедневно посылал отчёты в Вашингтон, живя по принципу: «чего изволите-с?».

Слава Богу, последнее правительство снова стало лить воду на мельницу нашего национального достоинства, мечтая патриотизм сделать национальной идеей.

После развала СССР, я перестал верить родному правительству, которое взяв меня за ноги, как Лиса Алиса и Кот Базилио — Буратино, несколько раз вытрясали из меня всё до последнего гроша.

У меня и у супруги забрали, вернее не выплатили 70% зарплаты в рублях и в валюте более, чем за двухлетнюю работу на Кубе, ликвидировав Внешторгбанк в 1988 году.

В апреле 1992 года, устроенная правительством гиперинфляция превратила в прах все наши вклады в Сбербанке, которые мы с супругой делали более чем 30 лет и вместе с нами такому же геноциду подвергли более 70 млн человек.

Наконец, я отдал «Гермес-Союзу» все 9 ваучеров нашей семьи, и нас уверяли, что они владеют нефтяными активами. И это оказалось мыльным пузырьём, окончательно сделав меня русским оптимистом.

Теперь всех правителей я вижу только в образе свиней, пробивающихся к кормушке.

Из современных политиков светлой вижу только И. Хакамаду и с удовольствием отдал бы ей свой голос на президентских выборах. Она вовремя поняла, что такое политика и выбралась из этой грязи, не запачкавшись. А вот её однокашник Немцов, вывозился в ней и отстранённый от власти, продолжал пачкать других. Но безвременная кончина помирила его со всеми, и тот, кто хаял его, уже хвалит:

На кладбище речи иных
О мёртвых хвалебно не скупы
В России не любят живых,
Но любят с почтением трупы.

О народе эти свиньи вспоминают, когда подходит срок очередных выборов. Все дружно едут и идут в народ делать обещания. Красиво сказал Н. В. Гоголь о такой свинье интересующейся жизнью народа в «Сорочинской ярмарке»:

— «Раздался звон стекла и страшная свиная рожа высунулась в окно дико поводя очами, словно бы спрашивая: — А что вы здесь делаете добрые люди?». На всю эту возню у кормушек я смотрел с юмором. Так же до сих пор вспоминаю с юмором тот день, когда своими глазами видел противостояние этих свиней, обманом привлёкших на свою сторону народ и армию.

4 октября 1993 года я ехал на работу в Управление ОАО Мосэнэрго на Раушской набережной, где работал начальником службы надёжности (аварийности и техники безопасности). По дороге слышал стрельбу в рай-

оне Краснопресненской набережной и поинтересовался у диспетчера, — всё ли в порядке на ТЭЦ-7 (филиал ТЭЦ-12), которая находится рядом с Белым домом. Он мне доложил, что ТЭЦ-7 остановлена, поскольку там прострелен газопровод низкого давления, идущий по наружной стене котельного цеха от ГРП к котлам. Я сообщил диспетчеру, что еду на ТЭЦ-7 разбираться, что произошло. Можно это было сделать и позднее, когда всё утихнет. ТЭЦ-7 была самой маломощной из 27 электростанций Мосэнерго и загружалась только в сильные морозы. Устаревшее оборудование выдавало около 30 мегаватт электрической мощности и 210 Гигакал. тепла в час.

Я позвонил нач. смены ТЭЦ-7 и он доложил мне, что газопровод от ГРП они отключили, открыли на нём свечи и продувают его сжатым воздухом, готовя его к ремонту. Очевидно, танкисты шалили и «шпарили» из крупнокалиберного пулемёта в белый свет, как в копеечку, отвернув пулемёт от цели — Белого дома, более чем на 30 градусов. Я посоветовал нач. смены, чтобы персонал из любопытства не лез к окнам. Он меня заверил, что собрал всех на щите управления.

Проехав Новоарбатский мост, мы должны были пересечь Краснопресненскую набережную, чтобы попасть к ТЭЦ, однако вся она была перегорожена бетонными блоками, за которыми прятались солдаты с автоматами, а между ними стояли танки, нацелив свои орудия на Белый дом. Коля Артамонов, мой водитель был смущён этой картиной и сказал: — Давай, Юрий Григорьевич, уедем отсюда, пускай они разбираются кто круче. —

Ладно, Коля, ты стой здесь, а я попробую разобраться, как проехать к ТЭЦ, и, подойдя к солдатам, стал спрашивать, где можно проехать. Офицеров не было видно. Со стороны Белого дома изредка постреливали, но солдаты не отвечали, а только дружно кланялись при свисте пуль. Мне стало смешно, что их даже не учили, что просвистевшая пуля уже не твоя и кланяться ей необязательно. Похоже, солдаты были первогодки, и лица их выражали страх и какое-то недоумение при виде такого же тупого прохожего и все молчали, находясь в ступоре. Я не спешил уходить, какой-то бесёнок, поселившись внутри, веселил меня, так как всё это напоминало мне детскую игру в «казаки-разбойники», а мне нужно было делать работу.

Свист пуль стал ближе ко мне, целились, очевидно, не столько в меня, сколько хотели отогнать непонятно для чего появившегося человека. В это время танк, находившийся в 5 метрах от меня, выстрелил, и я увидел, как на стене Белого дома между окнами расцвело облако пыли от разрушенной стены. От неожиданности я на какое-то время оглох и даже подпрыгнул, а Николай, развернув машину орал во всю глотку:

— Григорич, беги скорей сюда!

Но я, сохраняя чувство собственного достоинства, не спеша повернулся и пошел к машине. Я хотел, чтобы солдаты видели, что не надо бояться и паниковать. Однако вокруг меня всё чаще стали свистеть пули, и уже было понятно, что стреляли по мне. Я тогда подумал, что стреляют по приказу «злого» Хасбулатова, которого ненавидел за его хамское и презрительное отношение

к депутатам (избранников НАРОДА). Тогда его выражения типа: — «Что вы здесь разбрелись, как беременные тараканы?» — были привычным средством общения с депутатами. Конечно, эта мысль была подспудно в подсознании, т. к. Хасбулатову было не до меня. Как потом говорили очевидцы он в это время в самом дальнем закутке Белого дома, и трясся от страха.

Испуг от выстрела танка прошел, ко мне опять вернулось весёлое настроение и, садясь в машину, я смеялся, а Николай глядел на меня с испугом, думая, что я схожу с ума. После мы узнали, что от этих «свинских» разборок погибли люди. Очень жаль, что уцелели все свиньи безостановочно и теперь клепающие всё новые законы.

Известно, что когда множатся законы и приказы растёт число воров и разбойников. А что делать законам там, где властвуют деньги?

Наш народ добрый, отбирайте у него последнее, умножайте себе льготы и богатейте. Раз уж лишили нас бесплатной медицины, идите до конца, тем более в кризис будет патриотично издать ещё пару антинародных законов. Узаконьте, милые, эвтаназию, чтобы уставшие жить без обезболивающих лекарств пенсионеры добровольно могли уходить в мир иной. Или дайте им последнюю льготу — разрешение переходить дорогу на красный свет, сняв ответственность с водителей.

Желаю вам и дальше благополучно свинствовать.

Жрите деликатесы из ваших кормушек.

Только не подавитесь!

СОКОЛИНКА

«Соколинка» — это название хора, который базируется в доме культуры «Чайка» знаменитого моторостроительного завода. Своё название он получил от прилегающей местности — Соколиной горы.

Художественный руководитель и аккомпаниатор — баянист этого хора Архипов Анатолий Васильевич красавец мужчина — любитель и любимец женщин, высокий, стройный с сединой, которую он перестал закрашивать только в этом году.

В основе этого хора в основном участники знаменитого Морозовского хора, который ушёл из жизни в 2005 году. Часть песен исполняется в его обработке.

Занятия хора проходят по средам и субботам и начинаются с очень интенсивной распевки для разогрева голосов, распевом типа: «На заре на зорюшке-е-е».

Там запел соловьюшка-а-а».

Если Васильевич видит, что кто-то сачкует, то заставляет распевать сольно. В общем пение до хорошей испарины.

Все любят петь до самозабвения. Многие имеют стаж хорового пения не один десяток лет и возможно, поэтому считают, что они всё знают и часто подсказывают Васильевичу, как нужно играть. Поэтому поводу возникают перепалки и, конечно, каждый имея своё мнение, считает нужным его высказать. Успокоить Васильичу часто не удаётся. Обычно он заявляет: «Девочки рот закройте! Я всё знаю». Но дискуссия продолжается. Особенно непримиримой бывает Григорьева Валя. В любом случае последнее слово всегда остаётся за ней. Когда доходит до того, что Васильич заявляет ей: «Да замолчи ты, а то я тебя выгоню» В ответ раздаётся: «А я никуда не пойду, я пойду отсюда только вместе с тобой!»

Пытается призвать к порядку всех староста хора Артамошина Валентина. Её поддерживает запевала Илюхина Татьяна возгласом: «Да замолчите вы Трындычихи!»

И всё таки самой неугомонной остаётся Аня. Аня «вперёд баяна», как иногда называют её коллеги по хору.

Тогда, наконец, теряет терпение, обычно выдержанный Павел и кричит: «Да замолчите вы наконец!»

Все кроме Ани замолкают, тогда Павел багровеет и выскакивает на середину комнаты и кричит: «Если вы не замолчите, то я не знаю, что я сейчас сделаю!» Он действительно не знает, что он сейчас будет делать, но его вид и решимость вызывает страх и даже Аня смолкает, хотя продолжает бормотать себе под нос что-то непонятное для неё самой.

Но такой апофеоз страстей бывает редко. Но дисциплина оставляет желать лучшего. Васильевич не всегда жёстко пресекает её нарушения, говоря любовно:

— «Ну хватит, косматые...»

Когда наша запевала Галина Рябинина запевает нашу забойную песню «Мать и сын»: — Я гляжу на тебя с тоской. Я боюсь ты уйдёшь навсегда, то Васильич шутя её успокаивает:

— Да куда я не денусь. Успокойся».

С этой песней мы заняли первое место в общегородском конкурсе посвящённом 70-летию победы Сталинградской и Курской битвы».

На разучивании новых песен Васильевич поёт все партии и для сопрано и альтов, первого и второго голоса, а так же партии тенора и баса.

Кроме Павла в хоре есть ещё один очень немолодой мужчина Юрий. Он новичок, ранее в хоре никогда не пел и постоянно боится ошибиться, поэтому часто не поёт в полный голос и рад когда его поддерживает Павел. Его радует снисходительность, участие и любовь всех хористок и он с благодарностью всем признаётся в любви. Доволен, когда ему подсказывают, как нужно петь и указывают на ошибки. Но не всегда понимает,

как их исправить, что такое подъезды, как брать опору животом и прочее и прочее.

Поэтому иногда то, как зверь он завоет, то заплачет как дитя. Даже как сидеть во время пения его долго учил Васильевич.

— «Ну как ты сидишь! Нога на ногу! Да сядь на самый краешек!»

Но зато все умеют расслабиться по полной после концерта или даже после репетиции. Быстро накрывается стол, на который ставят, кто что принёс. И грибы Зины, и блины Гали, и огурцы Юрия и вкуснейшие салаты, а так же спиртное, которое всегда есть в запахе у Гали Смирновой, а после долго и задушевно поют любимые песни. При этом за баяном Васильевича часто подменяет Павел.

Перед концертом почти всех охватывает нервозность и часто при этом возникают стычки, и перепалки.

Но вот заканчивается концерт, зал сотрясают аплодисменты и все счастливы, и все любят друг друга.

Артист счастлив, как ребёнок и он любит, когда их хвалят и гладят по головке.

Любите артистов товарищи!

Любите и чаще гладьте их по головке.

Вам это ничего не стоит, а им приятно.

2014 г.

В РОССИЮ МОЖНО ТОЛЬКО ВЕРИТЬ

Перечитал, понял, что это утопия. А куда ты дел воров-политиков? Нет того крысолова, который со своей дудочкой увёл бы их в Охотское море.

Пусть будет утопия. Мечтать не вредно... Но твёрдо знаю, что многие будут со мной согласны.

В этом эссе я ушел от своего простого разговорного языка, которым общался со своими немногочисленными читателями в своих предыдущих произведениях, поскольку здесь нет художественных образов и не всем читателям, как и моей супруге, это понравится.

Здесь результат моих долгих и тяжелых раздумий о судьбе России, её будущем, в которое осталось только верить. Верить в то, что она, многострадальная, когда-нибудь встанет с колен. Охватывает отчаяние, что многие миллионы погибли с верой, что они положили свои жизни на алтарь во имя будущей счастливой жизни. Они и умерли, счастливые, не узнав, что все плоды, которые выросли на их пролитой крови, достались 1% россиян, завладевших 75% национальных богатств.

В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шел Творец Вселенной,
Увидев нытика изрек:

«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных,
Я есть твой Бог, я всё могу.

Меня печалит вид твой грустный,
Какой нуждою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.

Великий Гоголь в своё время, сравнивая Русь с птицей-тройкой, вопрошал: «Куда несёшься ты Русь, дай ответ. Нет ответа». Другой, не менее великий писатель восклицал: «Как не впасть в отчаяние при виде того, что творится дома?»

Забитая татарами, испуганная Иваном Грозным, насмерть, на несколько поколений, перепуганная Сталиным Русь представляется некой аморфной массой, которая расползлась и ищет себе уютные щели, чтобы туда забиться. Но мало кому удаётся найти себе место, где ему уютно, тепло, где он ощущает всеобщую любовь и заботу. А где справедливость, которую мы всё время ждём? Блаженный Августин когда-то написал: «Что есть государство без справедливости? — Банда разбойников».

Похоже, мы знаем, Русь, куда несёшься ты. Ты несёшься по кругу. Всё повторяется, как в дурном сне, и ничего нового не происходит.

Столько суеты, а нет событий. Столько крови, а нет истории. Столько страданий, а нет намёка на то, чтобы

из них извлекался какой-то опыт. Декабристы на следствии доносили друг на друга из тех же идейных соображений, что и коммунисты 30-х годов. И притом одинаково бескорыстно. Все жили идеями, и непременно высокими. Правда, все идеи были заимствованы с Запада и не имели никаких реальных соответствий в русской действительности. А вот лужа миргородская — была.

А Россия...

Нам хочется то в Париж, то в коммунизм, то назад, к природе. Нам слишком страшно и неуютно в этой стране с её тоской запустения и распавшимся бытом. Один философ назвал русских «идиотами возвышенного», вперившими взоры в блеск сияющих вершин и не видящих ничего перед собой. Ау, Россия, где ты?

Люди моего поколения делятся на две категории. Первая — это особая порода «человека бездомного», выведенная в СССР. Это человек общежитий, бараков, трамваев, временных и постоянных прописок, неотоваренных талонов на сахар и водку. Всем этим он живёт и чувствует себя в этой действительности, как рыба в воде.

Вторая категория — это люди, пытающиеся вернуться на родину, судорожно озирающиеся вокруг себя. В поисках чего-то такого, на что можно было бы опереться в этих попытках. И здесь играет главную роль законсервированный опыт русской литературы. Мы откупориваем эти «консервы» и... что там у нас? Онегин в деревне? Наташа Ростова на балу? Конфетки, бараночки, словно лебеди саночки? Аптека, улица, фонарь?

Выбор богат — и для деятельности простор. Переименуем улицу Горького обратно в Тверскую — что

за беда, что на ней все здания «сталинской архитектуры». Восстановим храм Христа Спасителя и Сухареву башню. Соберём документы, у кого есть, и запишемся снова в дворяне (а кто из крепостных — тем куда записаться?)...

Потом посмотрим на всё это и вздохнём с облегчением: слава Богу, мы опять в России!

Да помилуйте, как же всё это? После колхозов, лагерных барачков, в непосредственной близости от Лубянки и «святых мощей» основателя нового государства! Забыть эти десятилетия как сон и проснуться где-нибудь в блаженном 1913 году. Народа больше нет, Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая. Народа в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты — и масса. Какие-то остатки крестьянского наследия да вбитое в «школе, армии и по радио и телевидению». Где этот народ? Настоящий, народный, пляшущий народные пляски, сказывающий народные сказки, плетущий народные кружева? В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной. Народа, как великой исторической силы, станового хребта культуры, как источника для вдохновения Пушкина. То, что обычно у нас называли народом, вовсе не народ, а мещанство.

Как же остаться было народу? Были насильственно выкинуты из избы иконы и послушание старшим, печка хлебов и прялка. Потом миллионы изб, самых благоустроенных опустошены, развалены или взяты

под дурной догляд, и 5 миллионов трудолюбивых здоровых семей вместе с грудными детьми посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру. Остальные избы и дворы разорять было хлопот меньше. Отняли землю, делавшую крестьянина крестьянином, обезличили её, как не бывало при крепостном праве, уничтожили то, чем мужик работал и жил. Одних погнали на Магнитки, других заставили кормить махину государства до войны, а всю великую войну и после неё эту обязанность и вовсе практически возложили на одних баб и малолеток. Все внешние успехи и расцвет тысяч НИИ был достигнут разгромом русской деревни, русского обычая. Взамен изб притянули многоэтажные коробки городских окраин, а репродукторы dokonчили работу: они выбили из голов всё индивидуальное, и фольклорное, натолкали штампованного, растоптали и замусорили русский язык, нагудели бездарных пустых песен. Где у нас в последние 50 лет появились великие учёные, писатели, актёры? Нет, не видно. Зато кумиром на все эти 50 лет стала прима А. Пугачёва со своими бесчисленными фанерно-бесталанными фаворитами. И все средства СМИ только о них и говорят. Неужели не противно?

Однако — кто-то же есть? Как же не жить дальше? Мы слышим людские устало-тёплые голоса, иногда и лиц не разглядев, где-нибудь в полутьме пройдя мимо, слышим их естественные заботы, выраженные русской речью, иногда ещё очень свежей, видим их живые готовые лица и их улыбки, испытываем на себе их добрые поступки, иногда для нас внезапные, наблюдаем

самоотверженные семьи, претерпевающие все ущербы, только бы душу не погубить, — и как же им всем запретить будущее?

Конечно, поспешен вывод, что больше нет народа. Да, разбежалась деревня, а оставшаяся приглушена, да, на городских окраинах стук домино (достижение всеобщей грамотности) и разбитые бутылки, ни нарядов, ни хороводов, и язык испорчен, а уж тем более искажены и ложно направлены мысли и старания, — но почему даже от этих разбитых бутылок и бумажного мусора, гоняемого ветром по городским дворам не охватывает отчаяние. Потому, что народ в массе своей не участвует в казённой лжи, и это сегодня — главный признак его, позволяющий надеяться, что он не совершенно пуст от Бога, как упрекают его. Или, во всяком случае, сохранил невыжженное, невытопанное в сердце место. Есть скромная и доблестная молодёжь не известная ещё нашему уху и глазу: как ручейки весенние, где-то сочатся под толстым плотным серым снегом. Будущее неистребимо и оно в наших руках, если мы будем делать правильный выбор.

Меняются времена — меняются масштабы. 100 лет назад у русских интеллигентов считалось жертвой пойти на смертную казнь. Сейчас представляется жертвой — рискнуть получить административное взыскание. И по приниженности запуганных характеров это не легче. Любить страну глазами мало. Понадобится осваивать жестокий Север и Восток — и придётся ехать нашим излюбленным и образованным детям, а не ждать, чтобы мещанство ехало вперёд.

Вновь открывать святыни и центры культуры придётся не только эрудицией и научным профилем, а образом душевного поведения, кладя своё благополучие, а возможно и жизнь.

Может быть, как никакая страна в мире, наша родина после столетий ложного направления своего могущества, нуждается во всестороннем внутреннем развитии: и духовно, и как следствие — географически, экономически и социально.

Наша внешняя политика последних десятилетий представляется как бы нарочито составленной вопреки истинным потребностям своего народа. За судьбы Восточной Европы мы взяли на себя ответственность, несравнимую с нашим сегодняшним духовным уровнем и нашей способностью понимать европейские нужды и пути. Эту ответственность мы самоуверенно готовы распространить на любую страну, как бы далеко она не лежала, хотя б на обратной стороне земного шара, лишь бы она проявляла намерение национализировать средства производства и централизовать власть (эти признаки марксистской теории — ведущие, все остальные — национальные, бытовые, тысячелетних культур — второстепенны).

Наша страна неумоимо вмешивается в конфликты всех материков, судит и рядит, подталкивает к ссорам и бесстыдно гонит оружие первым товаром советского экспорта (то, что в советских газетах до 40-х годов называлось «торговцы кровью»). В погоне за всеми этими искусственными целями, никак не нужными нашей нации, мы истощили свои силы, мы подорвали свои поколения:

предыдущие — больше физически, сегодняшние — больше духовно. Мы устали от этих всемирных, нам не нужных задач! Нам нужно отойти от этого кипения мирового соперничества. От рекламной космической гонки, никак не нужной нам: что подбираться к устройству лунных деревень, когда хилеют и непригодны стали для житья деревни русские? В безумной индустриальной гонке мы стянули непомерные людские массы в противоестественные города с торопливыми нелепыми постройками, где мы отравляемся, издёргиваемся и вырождаемся уже с юных лет. Изнурение женщин вместо их равенства, заброшенность семейного воспитания, пьянство, потеря вкуса к работе, упадок школы, упадок реального языка — целые духовные пустыни плешами выедают наше бытие, и только на преодолении их ожидает нас престиж истинный, а не тленный.

Дальних ли тёплых морей нам добиваться или чтобы теплота разлилась между собственными гражданами вместо злобы?

Поворот к развитию внутреннему будет великий поворот человечества, сравнимый с поворотом от Средних Веков к Возрождению. Изменится не только направление интересов и деятельности людей, но и самый характер человеческого существа (от духовной разбросанности к духовной сосредоточенности), тем более — характер человеческих обществ. Если процессу этому суждено где-то пройти революционно, то революции эти будут не прежние — физические, кровопролитные, но революции нравственные, где нужны и отвага, и жертва, но не жестокость, — новый феномен челове-

ческой истории, ещё неизвестный и никем не проводимый в четких ясных формах.

И в материальной сфере такой поворот скажется благоприятно. Человеку — не надо вкалывать для большего заработка и захвата, но экономно, разумно, тратить на то, что у него есть. Государству — не как сейчас, не применять силу даже иногда без ясной цели, но и между государствами принять индивидуальную мораль: не делай другому, чего не хотел бы себе; но — углублённо осваивать то, что имеешь. Только так и может создаваться упорядоченная жизнь на планете.

II

Со стороны над нами посмеются: какой робкий и какой скромный шаг воспринимается нами как жертва. По всему миру студенты захватывают университеты, выходят на улицы, даже свергают правительства, а смирнее наших студентов в мире нет: сказано — политучёба, пальто с вешалки не выдавать, и никто не уйдёт. В 1962 весь Новочеркасск бушевал, но в общежитии Политехнического института заперли двери на замок — и никто не выпрыгнул из окна! Или: голодные индусы освободились из-под Англии безнасильным сопротивлением, гражданским неповиновением, — но и на такую отчаянную смелость мы не способны — мы Сталиным-батюшкой напуганы на три поколения вперёд: как же можно не выполнить какого-нибудь распоряжения власти?

Человек, совершающий нечто недопустимое с точки зрения требований идеологии, не просто нарушает

нравственный долг, но вступает в противоречие с законами самой действительности. Он нарушает объективный ход исторического процесса, сметающего любого со своего пути, как мчащийся поезд сбивает неосторожно попавшего на рельсы пешехода. Смысл наказания не в его справедливости, а в его неотвратимости при любой, даже неосознанной попытке переступить идеологические догмы — будь то собирание голодным крестьянским мальчиком колосков на убранном колхозном поле или чтение «идеологически чуждой» литературы, или, даже поимка бабки с пучком редиски органами вместо казнокрада.

Борьба с государственными органами отдельных людей по определению обречена на поражение. Те, кто понимает это, должны решить для самих себя, готовы ли они поступиться своей свободой, а может быть и самой жизнью, отстаивая своё понимание правды, своё достоинство.

Все средства СМИ, направленные на Навального, Лужкова и Грудинина смешали их с грязью, так, что отмыться не было возможности.

Перед Лужковым, который резко критиковал Медведева и Путина, сидящих на двух трубах нефти и газа, не делающих ни одного шага в сторону от сырьевой экономики, даже никто не извинился за все ложные обвинения и он ушел с достоинством, понимая, что средств борьбы против олигархического засилья просто нет.

Перед Грудининым, бывшим оппонентом Путину на выборах, тоже никто не извинился, но председатель избирательной комиссии Панфилова в день выборов

в 14—00 по московскому времени, когда стало ясно, что Путин победил, сделала заявление, что все обвинения, предъявленные Груднину, оказались ложными. Это выглядело ещё более циничным, чем в случае с Лужковым.

Можно понять конформистов, кто по каким-то рациональным соображениям выберет стезю сотрудничества. Их трудно осуждать. В некоторых странах, например, в Израиле, попавшим в плен, законодательно не возбраняется раскрывать известные им секреты. Поэтому страны эти могли бы считаться эталоном реальной заботы о сохранении жизни своих граждан. Все наши поколения, начиная с советских времён, выросли и воспитывались в традициях, когда приоритет «государственных интересов» стоял на первом месте, а интересы жизни личности и его семьи отходили на задний план.

Пути быстреешего подъёма экономики в первую очередь лежит на путях национализации природных богатств страны и основных её отраслей. Административную экономику погубили не её недостатки, не перепутанные на юбилеях рюмки, а руководители страны, отдавшие вожжи управления олигархам и оказавшись на службе этих олигархов. Страна, устами президента доказывала иностранцам, как хорошо инвестировать в Россию. И в то же время не знает, что делать с гигантскими средствами от нефтяных доходов и держит их на счетах за рубежом, укрепляя чужие экономики.

Сегодня, когда в мире разразился очередной кризис рыночной экономики, спасения ищут на путях её ого-

сударствления. Тэтчер несколько раз приватизировала и национализировала целые отрасли, добиваясь положительного результата. Сделать упор на жесткое государственное управление или дать большую свободу конкуренции и частному предпринимательству — выбор не предписывается учебниками, а диктуется обстоятельствами конкретной жизни. Поэтому всегда нелепыми кажутся яростные споры между рыночниками и государственниками.

Похоже, что Китаю, благодаря Дэн Сяопину, удалось нащупать правильный маневр и вовремя мощный стимул индивидуальной мотивации, не нарушая основных принципов социально-ориентированного государства. Когда этот стимул выводил его энтузиастов за рамки дозволенного, то государство в средствах не стеснялось. Виновные отправлялись не в Краснокаменск (место заключения Ходорковского), а на плаху. До сих пор публичные казни (расстрелы) провинившихся в Китае в широком ходу, что позволяет государству эффективно удерживать направление экономического развития.

Из трёх сверхдержав Китай благодаря своей восточной мудрости и хитрости самое непредсказуемое государство, которое, следуя заветам Мао «сидит на горе и наблюдает, как дерутся два тигра».

У истоков создания экономического могущества Китая стоял СССР. Этому послужил Договор о Дружбе и сотрудничестве 1950 года. Тогда с помощью СССР было построено 150 заводов, гидростанции, около сотни других промышленных предприятий. Предварительно была завезена вся строительная техника и тысячи со-

ветских специалистов. Сотни тысяч китайских студентов готовились в советских ВУЗах.

Три года моей службы в Армии на Дальнем Востоке жил в казарме, находящейся рядом с железной дорогой, по которой в Китай день и ночь шли эшелоны с техникой и металлооборудованием, тяжело сотрясая нашу казарму. Назад эти эшелоны громыхали всегда пустые, только в конце их болтались 2—3 вагона с товарами «Великая стена» — с термосами, и фланелевыми (зимними) женскими трусами с «начёсом» и с банками тушеной свинины и яблоками. Перечень китайских товаров этим и ограничивался в отличие сегодняшних времён, когда Поднебесная выпускает более половины товаров всего мирового производства. Тогда мы недобрым словом поминали эти эшелоны, не дающие спать.

И, как ни странно, повивальной бабкой создания второй сверхдержавы также была Россия, иначе она стала бы обычной английской колонией.

Первые переселенцы в Новый свет (Америку) вполне цивилизованные люди повели себя как последние варвары. Уничтожили местное население, для надёжности ещё истребив бизонов — основную пищу этого населения. Завезли из Африки рабов на хлопковые плантации, а Законом долгое время был колыт.

Однако, в конце концов, Закон навёл порядок и цивилизация победила. Казалось, появились условия создания идеального общества с демократическими устоями...

Один из самых популярных президентов США Авраам Линкольн был ростом 193 см с телом страшной худобы, лицо словно вырублено из дерева, руки и ноги

длины непомерной; как писали газеты, он был сыном счастливого брака — ветряной мельницы и портового крана, впрочем, он сильно похорошел после того, как переболел оспой. Объявив войну рабству в Южных штатах, Линкольн вызвал ненависть королевской Англии, поскольку Южные штаты были главными поставщиками хлопка для текстильных фабрик Манчестера.

Ощувив угрозу вмешательства Лондона, он лично обратился к канцлеру Горчакову, который сказал буквально следующее: «Ваша страна ещё только появилась на свет, когда русские стали у вашего изголовья, как ангелы-хранители, во времена первого президента Вашингтона. Нам не нужны Северные и Южные штаты — нас устроят только Соединённые Штаты Америки!»

Секретно, для демонстрации силы к берегам Америки ушла Сибирская флотилия адмирала Попова, а из Кронштадта эскадра адмирала Лесовского.

Американцы тогда наших матросов буквально носили на руках и бесплатно поили их и кормили. Посол США, устроив банкет для офицеров, сказал:

— «Со времён Екатерины Великой и часа нашего рождения мы всегда были друзьями... Наша дружба не омрачена дурными воспоминаниями. Она и будет продолжаться при соблюдении твёрдого правила: не вмешиваться во внутренние дела друг друга...» Сказанные в 1864 г, эти слова так много значили бы сегодня, если они были бы напечатаны в массовой прессе США, особенно перед предстоящей встречей Путина и Трампа!

Линкольн победил, но он уже предвидел иное: — «В недалёком будущем, — рассуждал он, — произойдёт

опасный перелом. Приход к власти корпораций повлечёт за собой эру продажности, и капитал станет утверждать владычество над демократией, играя на самых тёмных инстинктах масс до тех пор, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих — и тогда конец демократии и равенству!» Что и произошло... Прав был Альфред Нобель, когда писал: «Мир должен принадлежать гениям, Аттилам точных наук и Зевсам технического прогресса, но при этом недопустимо расширение прав демократии ибо, в конце концов, любая демократия приведёт человечество к образованию диктатуры, составленной из отъявленных подонков населения».

14 апреля 1865 года в Америке прогремел салют в честь окончания Гражданской войны, а вечером в театре «Форд» был убит пророк Линкольн.

Через два года Россию, как турист посетил Марк Твен; он осмотрел руины героического Севастополя, отдыхая в Ялте. Тогда он говорил:

— «Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы её великих испытаний... Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбы предумышленно-несправедливым словом или поступком»

Если бы сейчас напомнить американцам эти слова!

Американцы как огня боялись революционных изменений в своей стране. Когда Т. Рузвельт баллотировавшись на второй президентский срок от республиканской пар-

тии в своей новой программе обещал много либеральных изменений, весь монополистический капитал сомкнулся вокруг кандидата от демократической партии Вудро Вильсона. Редактор газеты «Трентон трю Америкэн» в частности писал: — «Под его (Вильсона) знаменем могут собраться силы, убеждённые в том, что действительный прогресс наступает эволюционным, а не революционным путём». И строго придерживались этого правила и во внешней политике, организуя революции в тех странах, которые выпадали из стези predetermined им США. Экономика этих стран после революции разрушалась, и государство рассыпалось на глазах. Перечислить эти революции в рамках этого эссе невозможно, да и все знают об этом. Этот приём действовал безотказно, и американцы ошиблись всего один раз, когда решили сменить на Кубе неуправляемого Батисту на Фиделя, который тогда и не помышлял о социализме.

Тот же В. Вильсон ещё в 1910 г откровенно писал: — «Мы находимся во власти огромной безжалостной системы... Если корпорация занимается деятельностью, которой ей не следовало бы заниматься, вы не имеете права голоса в этом вопросе и должны сотрудничать в деятельности, которая по имеющимся у вас данным, противоречит общественным интересам». С тех пор эта система через сотню лет ещё более окрепла, и президент имеет на неё ещё более меньшее влияние.

Так же «барахтается» между этой системой и своими предвыборными обещаниями и Трамп. Так же скован и бессилен в своих действиях олигархической системой и наш Путин.

Так уж повелось и в Соединённых Штатах, да и во всём мире, что за заведующую нереальность или невыполнение предвыборных заявлений с уже обосновавшимся в Белом доме человека никогда серьёзно не спрашивалось.

По инициативе президента Г. Трумена в январе 1950 года Совет национальной безопасности США разработал секретную директиву № 68, — основные принципы холодной войны. Она зафиксировала намерения США единолично решать судьбы мира, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела других стран, выступая в роли защитников «свободного мира».

После распада СССР американская администрация только ждала повода для возобновления конфронтации. Им не нравилось, что давно забыта козыревская позиция — «чего изволите?» Что экономически, пусть за счёт сырьевой конъюнктуры, Россия становилась более независимой. А уж то, что начали восстанавливать такие элементы государственности, как оборонный комплекс и вообще вытерпеть было невозможно. Достаточно вспомнить, как один из прежних министров обороны США высказался по поводу первого тогда среди оборонных ведомств процесса восстановления Среднемаша: — «Гидра, которую ублажать невозможно. Остаётся только обрубить клешни». Первое, что тогда сделали США — арестовали в Берне крупного учёного — министра Атомной промышленности Е. О. Адамова, ставшего на пути передачи обогащённого урана из России в США. По ложному обвинению его посадили в тюрьму Швейцарии. Адамову пришлось доказывать самому

на суде свою невиновность без привлечения адвокатов. К сожалению правительство России тогда и пальцем не пошевелило, чтобы защитить своего великого гражданина-патриота, а поспешно поставило на его место некомпетентного Кириенко.

Будущее не за Америкой, она так набухла проблемами и противоречиями, что скоро сама разорвётся на сотни осколков. Исторически абсолютно все Империи разваливались.

III

Если написать крупными буквами, в чём состоит наш экзамен на человека: Не лгать! Не участвовать во лжи! Не поддерживать ложь! — то будут смеяться над нами не то что европейцы, но и арабские студенты и цейлонские рикши: всего-то столько от русских требуется? И — это жертва, смелый шаг? А не просто признак честного человека, не жулика? Но пусть смеются грибы другого кузова, а кто в нашем давится, тот знает: это действительно очень смелый шаг. Потому что každодневная ложь у нас — не прихоть развратных натур, а форма существования, условия повседневного благополучия всякого человека. Ложь у нас включена в государственную систему, именно поэтому нам так гнетуще жить. Но именно поэтому нам так естественно и распрямиться!

Ян Палах сжег себя. Это чрезвычайная жертва, но она сдвинула Чехословакию. Но так много не надо от каждого человека. Не придётся идти под огнемёты, разгоняющие демонстрантов. А всего только не лгать. И никому

не придётся быть первым — потому что «первых» уже многие сотни, мы их только по их тихости не замечаем. А кто за веру терпит — тем более, они не стесняются работать уборщиками и сторожами. Есть и из самого ядра интеллигенции, кто уже годами так живёт, и жив, и семья не вымерла, и даже на столе что-то есть.

Только мы, знающие нашу систему, можем вообразить, что случится, когда по этому пути последуют тысячи и тысячи, — как очистится и преобразится наша страна без выстрелов, без крови. Но этот путь самый нравственный: мы начинаем освобождение и очищение со своей души. Ещё прежде, чем мы очистим страну, — мы очистимся сами, ибо, зачем очищать воздух страны, если сами остаёмся грязными? Жаль молодёжь? А чьё же будущее, как не их?

Мы-то стары. Если они сами себе не построят честного общества, то и не увидят его никогда.

В XX веке благодатные дожди раскаяния не смягчили русской почвы, выжженной учениями ненависти. За последние 100 лет мы не только теряли дар раскаяния, но и осмеяли его.

С полвека мы движемся уверенностью, что виноваты царизм, патриоты, буржуи, социал-демократы, белогвардейцы, попы, эмигранты, диверсанты, кулаки, подкулачники, инженеры-вредители, оппозиционеры, враги народа, националисты, сионисты, империалисты, милитаристы, демократы, модернисты, — только не мы с тобой. Стало быть, исправляться не нам, а им. А они не хотят, упираются. Так как же их исправить, если не штыком? Одна из особенностей русской истории,

что в ней всегда, и до нашего времени, поддерживалась такая направленность злодеяний: в массовом виде мы причиняли их не вовне, а внутрь, не другим, а самим себе. От наших бед больше всех пострадали русские, украинцы, да белорусы. Оттого и пробуждаясь к раскаянию, нам придётся вспомнить внутреннее. Легко ли будет всё честно вспомнить — нам, потерявшим самое чувство правды? Мы нынешнее старшее и среднее поколения всю нашу жизнь брели зловонным болотом общества, основанного на насилии и лжи — как же не замараться?

Всякая попытка национального раскаяния, сразу натывается на возражение: Россия слишком много выстрадала, чтобы ещё каяться, её надо жалеть.

И правда: как наша страна пострадала в прошлом веке, вместе с мировыми войнами уничтожила сама в себе до 70 миллионов человек, — так никто не истреблялся в современной истории.

Раскаяние всегда больно, без того б не было б ему нравственной цены. Те жертвы были — не от наводнений, не от землетрясений. Жертвы были и невиновные и виновные, но их страшная сумма не могла бы накопиться только от чужих рук: для этого нужно наше соучастие.

В последнее время появилась более жесткая точка зрения, — что русский народ по своим качествам благороднейший в мире; его история ни древняя, ни новейшая незапятнана ничем; недопустимо упрекать в чём-либо ни царизм, ни большевизм; не было национальных ошибок и грехов ни до 17-го года, ни после;

мы не пережили никакой потери нравственной высоты и потому не испытываем необходимости совершенствоваться.

Но это не так: совершенствованию нет конца, нам необходимо прежде всего духовное возрождение, замена ненависти и злобы на любовь к друг другу.

Ясновидцы и пророки всех времён и народов предсказывали и предсказывают расцвет России, которая станет центром мира, от которой будет литься свет правды и любви. Наш замечательный педагог К. Д. Ушинский, отдавший служению России всего себя до конца, писал: — «... отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства... будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут своё имя, истинных творцов никто и никогда не узнает. В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и всё-таки работать до конца жизни, — страшное бытие. Отдать всё потомкам, которые забудут и имена наши... знать всё это и всё-таки отдать им и жизнь свою, — велика любовь к истине, ко благу, к идее! Велико назначение!»

И вот, когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановления России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живём её духом, который вам чужд и недоступен.

Быть русским значит не только говорить по-русски, а значит воспринимать Россию сердцем, видеть с лю-

бовью её драгоценную самобытность, неповторимость своеобразия. Понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный русским людям, указание Божие, оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле.

Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, с любовью принимать её как одну из главных святынь своей личной жизни.

Быть русским значит верить в Россию так, как верили в неё все русские великие люди, все её гении и строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за неё и нашу победу.

Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Мы должны научиться видеть Россию в Боге — её сердце, её государственность, её история. И когда мы осмыслим её так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признать, что душа её укорена в Боге и что её история есть возрастание её от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на её пути, никакие испытания её сил не могут нас страшить. Естественна наша неутрачивающая скорбь,

о её временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть ещё в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлён приговором в сказке: — «Надо жить по-Божьи... Что будет, то будет, а кривдой жить не хочу». И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории.

Россия есть прежде всего — живой сонм русских правдолюбцев, «прямых строителей», верных Божьей правде. Какой-то таинственной могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним деланием, строит Россию одним своим (хотя и одиноким, и мученическим стоянием). И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» — а укоряя, произносит слова: — «Бога в тебе нет!» Ибо, имеющий Бога в себе, носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благодарнейшие основы всякого жизненного служения — священнического, гражданского

и военного и судейского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно нашло своё выражение в Указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всях, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей — и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода. Славяне, получив своё название от слова — Слава славились, прежде всего, своей стойкостью, неприхотливостью, славные своей воинственностью, храбростью и гордостью.

Здоровая государственность, здоровая Армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богом данную и Богом ведомую душу; вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племён — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую

уживчивость; и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; и не только потому, что он, не защищённый естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения; и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлечённому парению, — о котором Гоголь сказал: — «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название ещё драгоценней самой вещи»...

И не только потому, что он, создавая свою национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

И не только потому, что он выработал на протяжении веков своё особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утончённым чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

И не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого до сих пор ещё не оценены другими народа-

ми по достоинству — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

И ещё не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, — в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, — отойти в глубь своей страны, найти там всё необходимое для обороны и отстоять своё место под Божьим солнцем, своё национальное единство и независимость...

Великий германский политик Бисмарк писал: — «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей».

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, находим в них опору. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом уже в силу того, что душа его искони укоренялась в молитвенном созерцании, в поиске горнего, служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачалось

око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, — то страдания очистят его взор и укрепят в нём его духовную мощь.

Мы верим в Россию потому, что созерцаем её в Боге и видим её такою, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы этого призвания. Знаем, что для личной жизни человека эта «Эпоха перемен» в 100 лет срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своей духовности, новым расцветом сил. Так и будет с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти и злобы отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнём в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и пред-

рассудки, из которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию: эти заблуждения и предрассудки вели её к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через это, будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия и, особенно русского Православия.

Как обновившаяся икона являет царственные лики, древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и волеии да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и строила нашу святую Русь!

ОБ АВТОРЕ

Силачёв Юрий Григорьевич родился в 1938 г.
Заслуженный энергетик. Награждён Орденом "Знак
Почёта", Орденом "Карлоса Балиньо" (Республика Куба) и
четырьмя медалями, в т.ч. "За трудовую доблесть".

Автор 12 книг:

Первая любовь

Дети войны

Эпоха перемен

Эпоха перемен - 2

Лучше гор могут быть только горы

Вся жизнь игра

Кыштымские легенды

Загадки исчезнувшей цивилизации

Эхо Афгана

Любашино детство

Русь древняя и забытая

сборник стихов "Когда не спится по ночам"

**Электронные версии книг свободно распространяются
на сайте Уральского Провинциального Издательства.**

Уральское Провинциальное Издательство (Uralizdat)
осуществляет подготовку и издание печатных и электронных книг.

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, книги о природе, проза и поэзия, детская литература.

Подробнее с деятельностью и книгами издательства можно познакомиться на [сайте https://uralizdat.ru](https://uralizdat.ru).

Нашу продукцию можно приобрести на [сайте издательства](#) или в интернет-магазинах:

**BOOK
РОКУРО**

**E-BOOK
РОКУРО**

Наши страницы в соцсетях:

Контакты

e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16

